

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХАСИДИЗМА.

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЗРАИЛЯ БЕШТА.

I. Источники для жизнеописания Бешта.

Время, в которое жил и действовал основатель хасидизма, Израиль Бешт (1698—1760 г.), сравнительно не очень отдаленно от нас, а между тем жизнь этого человека уже до такой степени затемнена многочисленными легендами и чудесными сказаниями, как если бы он жил лет за тысячу до нас, в отдаленную и темную историческую эпоху. Какой-то священный мрак облекает эту личность, густая ткань вымыслов и мифов скрывает от нас действительные ее черты и окрашивает их в причудливый, фантастический цвет. Конечно, такова уже судьба многих основателей сект и творцов религиозных учений: восторженная фантазия последователей облекает жизнь таких людей в покров тайны, наполняет ее легендами и сказками, способными действовать на религиозное чувство, и часто до такой степени перепутывает эти легенды с событиями действительной жизни, что невозможно отличать правду от вымысла. Но, с другой стороны, мы видим, что такая судьба весьма редко выпадала на долю вероучителей и основателей сект, живших в ближайшие к нам эпохи. В то время, напр., когда жизнь Бешта по своей легендарности напоминает жизнь Магомета или Будды, биографии христианских вероучителей XVII и XVIII веков, в роле Янсена, Шпенера, Веслея, заключают в себе весьма мало легендарного, мистического элемента. Такое различие может быть объяснено, конечно, лишь соответствующим различием во внешнем положении этих деятелей и в характере их деятельности. Основатели янсенизма, пиетизма, методизма — действовали среди наций, живших самостоятельной политической жизнью, публично и открыто, а потому и сами они учили и проповедовали открыто, *en plein jour*, и нередко переплетали свои учения с политическими стремлениями тех или других партий, так что вызванные их проповедью религиозные движение громко отзывались в широкой области жизни общественной. Не то мы видим в жизни польских евреев первой половины XVIII века. Тут перед нами — строго замкнутая масса, совершенно изолированная в бытовом и религиозном отношениях, масса, живущая в тишине, вне всяких шумных политических сфер, и как бы укрывшаяся от контроля истории. В такой замкнутой среде всякое движение, как бы сильно оно ни было, остается внутренним, домашним событием и не прорывается наружу. Основатель хасидизма жил и действовал под покровом ночи, той глубокой ночи, которая царила тогда в жизни польских евреев, навеявая на них крепкий сон со странными, мистическими сновидениями. Весьма естественно, поэтому, что жизнь Бешта окружена такою таинственностью и что современникам казалась рядом чудес жизнь того, в чьем учений чудесное занимает главное место и чья среда только и жаждала чудес, откровений, знамений.

Биографу Бешта, таким образом, предстоит весьма трудная задача — разгадать эту таинственную личность, высвободить ее из шелухи легенды и показать в реальном, конкретном образе. Главный способ разгадки таких личностей заключается в психическом их анализе на основании данных, представляемых преданием и историей. Но так как

данные эти обыкновенно представляются в форме крайне хаотической, в виде смеси действительности и вымысла, то необходима тщательная их критика, оценка их достоверности; а для этой цели необходимо прежде всего внимательно рассмотреть те источники, из которых эти данные почерпнуты.

Главным источником сведений о жизни и деяниях Бешта служит книга, впервые напечатанная в 1815 году, т. е. спустя 55 лет после смерти основателя хасидизма. Вот сокращенное заглавие этой книги: «Восхваление Бешта: повесть о чудесах и необыкновенных деяниях, совершенных светилом Израиля, святым, на коем почил дух Божий, вождем стана израильского, путеводителем заблудшихся, открывшим источник божественной мудрости (следует длинный ряд других похвальных эпитетов, которые для краткости опускаем)... Израилем Бештом, да сияет лик его в раю. Тут же повествуется и о святых учениках, приютившихся в сени его и слушавших из его уст слово Божие... Все сие записано и рассказано по правде одним святым мужем р. Дов-Бером, сыном р. Самуила, резником в г. Линце, затем покойного р. Александра Шохета, состоявшего писцом у Бешта в продолжении многих лет и затем занимавшего место резника в Белой Церкви, Бердичеве и Немирове»¹. В обширном предисловии автор в довольно бессвязных выражениях объясняет, что побудило его собирать и записывать рассказы о деяниях Бешта: оскудение веры в людях, происходящее вследствие отсутствия в настоящее время крупных чудес и знамений, заставляло его напомнить миру о чудесных деяниях святого мужа, Израиля Бешта. «И вот, — продолжает он, — решился я записать необыкновенные рассказы, слышанные мною от людей правдивых, отмечая при каждом рассказе, от кого именно я его слышал, и так как Господь Бог по благодати своей одарил меня сильною памятью, то я все слышанное запомнил, не убавлял и не прибавлял ничего, но все записал точно, без всяких перемен»². За этим предисловием следует (в бердичевском издании)

¹ **שבחי הבשט** «Печатано в Бердичеве, Волынской губернии, с разрешения цензора при виленской академии, в 5575 (1815) году». Это издание, которым мы пользуемся, содержит в себе 38 листов in 4°, по четыре столбца в каждом. Но существует издание, появившееся хотя и в том же году, но несколькими месяцами ранее; оно напечатано в м. Копысе, Могилевской губернии, в типографии Израиля Яффы. (См. Бенякоба «Библиографический Лексикон», S. V., и жизнеописание Бешта, составленное М. Родкинсоном под заглавием **אור ישראל**, Кенингсберг, 1876, стр. 8. прим.). Бердичевское издание перепечатано уже с копысского, хотя и сверено с рукописным подлинником, как это видно из предпоследних книг раввинских одобрений, выданных бердичевскому печатнику Самуилу раввинами городов: Острога, Зельва и Любартова. Таким образом, на Литве и на Волыни почти одновременно появилось жизнеописание Бешта, выдержавшее с тех пор бесчисленное множество изданий и переведенное на разговорный жаргон.

² В библиографическом отношении имеет большой интерес приведенное Родкинсоном (назв. соч. стр. 8-12, прим.) предисловие копысского издателя «Восхвалений», Израиля Яффы, человека ученого, ревностного хасида, бывшего, по-видимому, учеником главы литовских хасидов р. Залмана Лядыйского. В этом предисловии говорится (приводим его слова сокращенно): «Дошли до нас священные писания о чудесах, совершенных Богом через посредство святых его слуг. Громадная польза, вытекающая из чтения подобных вещей, неоспорима, ибо сам Бешт сказал, что занимающийся прославлением праведных (цадикиов) равен по заслугам человеку, занимающемуся изысканием высочайших божественных тайн... И хотя мы знаем, что рассказы, приводимые в сих писаниях, не составляют и тысячной доли того, что известно о величии Бешта, как мы это слышали из уст покойного учителя нашего (т. е. р. Залмана Лядыйского) и как сказано в книгах святых преемников Бешта, — однако, принимая во внимание громадную пользу подобных рассказов и также то, что доселе они обращаются в многочисленных списках, вследствие чего от небрежности переписчиков может со временем накопиться очень много ошибок, которые, пожалуй, затемнят и самый смысл текста, — мы решились напечатать эти рукописи, проверив их с подлинниками как только было возможно». Интересно сравнить это предисловие издателя с предисловием автора, приведенным нами в тексте.

прописка от имени сына «покойного» автора, Иегуды Лейбы, в которой последний заявляет, что отец, лежа на одре смерти, завещал ему привести в порядок все его рукописи, над коими он трудился всю жизнь, и по возможности распространять их в народе. «С тех пор, — говорится далее, — писания эти обращались в народе во многих списках, пока не были напечатаны, и мне только приходится воздать хвалу Господу Богу за это, ибо хотя заветная мысль моего отца осуществилась не вполне, и в моих руках имеется еще много рукописей, не приведенных в порядок и достойных узреть свет, однако, спасибо издателю и за то, что хоть значительную часть этих рукописей он спас от забвения и исчезновения».

Основываясь на всех этих данных, мы осваиваемся уже с мыслью, что автором или, точнее, составителем «Восхвалений Бешта» был зять Бештова писца, линецкий резник Дов-Бер. Но приступая к чтению самого текста книги, мы убеждаемся, что в составлении ее участвовала еще одна посторонняя рука. Непосредственно перед началом текста находится следующее «замечание типографа»: «В виду того, что в рукописях, из коих я почерпал сведения о сцеплении событий в жизни Бешта, рассказы расположены не в надлежащем порядке, между тем как от покойного моего учителя я слышал обо всем этом в правильном (хронологическом) порядке и с точными пояснениями, — я решил сначала излагать в том порядке, в каком я слышал из святы уст его (учителя), о последующем же буду писать так, как изложено в упомянутых рукописях».

Замечание это может поставить в тупик читателей непосвященных, а иных может даже ввести в заблуждение, так как оно повторяется во многих последующих изданиях книги и все от имени «типографа», не смотря на то, что книга печаталась много раз в разных городах и у разных типографов. Является вопрос: кто же этот новый участник в составлении жизнеописания Бешта и из каких именно источников черпал он свои сведения? Для разрешения этого вопроса необходимо принять во внимание, что первое издание «Восхвалений Бешта» было напечатано в Копысе, в типографии Израиля Яффы, и что этот Яффа находился в близких сношениях с главою литовских хасидов знаменитым Залманом Швеерсоном из местечка Ляды, Могилевской губернии. Этот-то ученый издатель-типограф и был, по-видимому, составителем и редактором первой части «Восхвалений», занимающей около четырех листов книги и повествующей в некотором хронологическом порядке (хотя и без точного указания дат) о жизни Бешта от его рождения до 36-ти-летнего возраста, когда, по окончании своих «тайных приготовлений», он стал действовать открыто. Участие издателя в составлении книги выразилось в том, что сведения, сообщаемые «рукописью» (т. е. списком с сочинения упомянутого Дов-Бера из Линца) и расположенный без всякого порядка, он сверил с рассказами о том же предмете, слышанными им самим или другими от Залмана Лядыйского, который был учеником непосредственного Бештова преемника, так называемого «Межеричского проповедника», — и первую половину жизни Бешта изложил систематически на основании проверенных им данных. Эти проверенные сведения составляют весьма ценный Биографический материал и отличаются гораздо большей степенью достоверности, чем все прочие сведения о жизни Бешта, взятые из других источников, ибо известно, что Лядыйский цадик был человек трезвый, правдивый и мало склонный к чудесному. Изложение этих сведений занимает, как мы уже сказали, первые четыре листа «Восхвалений» (в первых изданиях) и оканчивается замечанием издателя, что доселе он следовал преданиям,

сообщенных ему от имени «покойного учителя», а в дальнейшем изложении он будет точно держаться имеющихся у него рукописных данных. Эти данные и составляют, так сказать, главный корпус книги. Они заключают в себе множество рассказов, слухов, и преданий о деяниях Бешта, расположенных в крайнем беспорядке, без всяких хронологических указаний, хотя всегда с указаниями лиц, от которых составитель получал свои сведения.

На основании всего вышеизложенного мы приходим к следующим заключениям относительно происхождения и состава первого догматического жизнеописания Бешта: 1) Еще при жизни Бешта, в особенности же после его смерти, в народе ходило много разных слухов о чудесных деяниях основателя хасидизма; предания эти переходили из уст в уста, и в своей совокупности составляли устное догматическое жизнеописание Бешта¹. — 2) Многие из этих преданий записывались, и одним из самых ревностных собирателей их был резник Дов-Бер из Линца, который слышался многих подобных рассказов от тестя своего, бывшего секретаря или писца Бешта, а также от разных других его приближенных. — 3) Из этих рассказов составила обширная коллекция, которая долго ходила по рукам в списках, но так как спрос на такие списки все более увеличивался, то книгоиздатели Волини и Литвы почти одновременно приступили к печатанию этих «священных писаний», как их тогда называли². — 4) Первым издателем «писаний» был копыцкий типограф, который проверил и проредактировал описание первой половины жизни Бешта на основании рассказов Залмана Шнеерсона, главы литовских хасидов, и выпустил все это в свет в 1815 году, под заглавием «Восхваления Бешта»³.

И так, дошедшее до нас жизнеописание Бешта есть произведение коллективное и чисто-народное. Оно не было сочинено одним лицом, но составлено из массы устных преданий, распространенных в народе. В этой книге помещено все существенное, что народная память сохранила и что народная фантазия сочинила о жизни и деяниях основателя хасидизма. И верующая толпа освятила эту книгу, кик и ее героя. Для верующих хасидов «Восхваления Бешта» — то же, что рассказы корана для последователей ислама: они представляют себе своего вероучителя так, как он изображен в этой книге, они ни минуты не сомневаются в достоверности сообщаемых в ней сведений.

Одного этого обстоятельства уже достаточно для того, чтобы мы с полным вниманием отнеслись к рассматриваемому нами источнику, как к историческому документу. Нам, людям непредубежденным и привыкшим критически относиться к делу, позволительно сомневаться в полной достоверности этого документа, но вместе с тем мы не можем, не

¹ См. **שבת הבשר** в разных местах, где указаны источники рассказов, а также предисловие к этой книге копыцкого издателя; ср. Родкинсон н. с. стр. 10, прим. Были, по-видимому, и специальные рассказчики Бештовых чудес, игравшие в хасидских кружках роль малороссийских кобзарей.

² В печать попала, однако, не вся коллекция, а лишь часть ее, как видно из приведенного выше показания сына собирателя.

³ Неверность предположение Иоста (*Geschichte des Judenthums u. s. Secten*, III, 185), будто «Восхваления Бешта» были составлены в 1780 г. затем Бешта, уже указана Грецом (*Gesch.*, XI, 592), но мнение последнего, будто автором книги был зять Бештова сподвижника, Якова-Иосифа Когена, также оказывается неверным, ибо на заглавном листе старинных изданий прямо указывается, что тестем автора был Александр Шохет, писец Бешта. В позднейших изданиях книги имя автора совершенно отсутствует. — Мнение Родкинсона будто первая часть «Восхвалений» написана копыцким издателем (н. е. стр. 13), не точно: последний был только редактором, но не автором этой части книги.

должны пренебрегать им. Как ни легендарны сообщаемый всем сведения, но они в высшей степени характерны как для тех, кто их сочинил, так и для тех, кто им безусловно верит. Как ни мистичен образ Бешта, нарисованный в «Восхвалениях», но этот образ, а не иной, постоянно носится перед верующим хасидом, как идеал святости и величия. Во всех этих чудесных сказаниях, необыкновенных легендах и преданиях, есть малая доля правды и большая доля вымысла: первая важна, как материал для изображения действительного Бешта, но и вторая также важна, ибо она дает нам представление о Беште воображаемом, о Беште, как о продукте народного творчества, которое отражает в себе как в зеркале и быт, и дух, и характер народа в известный исторический момент.

Вообще если нас спросят о той исторической ценности, которую мы придаем такого рода документам, мы ответим словами одного замечательного мыслителя, которому также приходилось иметь дело с подобными документами. Вот как он их характеризует: «Это — не биографии, но вместе с тем не выдуманные легенды: это легендарные биографии. Историческая правда в них тесно связана с стремлением представить образцы добродетели. Неточность, свойственная всем произведениям народного творчества, дает себя тут особенно чувствовать. Предположение, — продолжает далее автор, — что лет десять-двадцать тому назад три или четыре старых солдата времен первой империи принялись бы каждый описывать жизнь Наполеона на основании своих личных воспоминаний. Нет сомнения, что их рассказы изобиловали бы многими ошибками и даже порядочными противоречиями. Один поставил бы Ваграм ранее Маренго; другой, нимало не думая, брякнул бы, что Наполеон разогнал из Тюльери правительство Робеспьера; третий опустил бы в своем рассказе самые замечательные экспедиции. Но из всех этих наивных рассказов несомненно вытекало бы одно общее, заключающее в себе большую долю правды: это — характер героя, впечатление, которое он производил в окружавшей его среде. В этом смысле такая простая популярная история стоит, пожалуй, многих торжественных, официальных историй»¹.

Этому существенному назначению народных книг вполне удовлетворяет и то коллективное, народное произведение, которое носит имя «Восхваления Бешта». Характер основателя хасидизма, типические черты его личности, общий характер его деятельности, особенности современного ему быта и настроение окружавшей его среды — все это явственно выступает, прорывается наружу из толстой коры невероятных и подчас нелепых легенд, которыми обставлена жизнь Бешта в его догматической биографии. Это, конечно, необработанный, а главное — недостаточный материал, но, может быть, с помощью внимательного психологического анализа нам удастся из этого материала извлечь данные для критического жизнеописания Бешта; может быть, наконец, другие, второстепенные источники придут к нам на помощь и хоть отчасти облегчат наше затруднительное положение.

«Восхваления Бешта» составляют, так сказать, канонизованную, официальную биографию творца хасидизма, но имеются и многие другие рассказы о жизни и деяниях Бешта, рассказы позднейшего происхождения, которые по известной аналогии можно назвать апокрифическими. Таковы многочисленные рассказы о Беште, помещенные в разных «житиях святых» хасидского толка, принадлежащие безымянным авторам и

¹ Benan.

неизвестно когда составленные¹. Сборники эти заключают в себе много устных, ходячих в народе преданий, но вместе с тем в них, очевидно, есть немало сочиненного, выдуманного самими составителями. Мы не находим в большей части этих рассказов той простоты, наивности, характерности, какие отличают рассмотренный выше прототип их. Часто встречаются длиннейшие рассказы, чуть ли не целые романы, поражающие своею несообразностью. Вот почему нужно крайне осторожно пользоваться этими источниками и прибегать к ним лишь в тех случаях, где данные их более или менее вероятны или подтверждаются данными других, более достоверных источников.

К последним можно причислить книгу, вышедшую впервые во Львове, в 1865 г., и принадлежащую перу одного из позднейших хасидских ученых². В этой книге, озаглавленной «Систематическая история учеников Бешта», излагается история развития хасидизма в связи с характеристикой важнейших его представителей, начиная со времени Бешта и кончая приблизительно первой четвертью этого столетия. О каждом из таких представителей даются более или менее точные и вероятные сведения; несколько таких сведений находим мы и о Беште и смотрим на них как на корректив к упомянутым выше, менее достоверным источникам³.

Самым лучшим мерилom достоверности сообщаемых в догматических источниках рассказов были бы свидетельства современников, не принадлежавших к числу последователей Бешта. К сожалению, таких свидетельств очень мало. Скучные сведения, встречающиеся по этой части в некоторых современных раввинских книгах, относятся более к хасидизму и его последователям, нежели к личности его творца. Только у Соломона Маймона в «Автобиографии» находим мы некоторый косвенный материал: несколько бытовых картин, согласующихся с данными догматических источников, несколько строк о личности Бешта и довольно обстоятельную характеристику его деятельности. Кроме того, до нас дошли отрывки из рукописи одного современника

¹ Особенно, популярностью пользуются между хасидами следующие из такого рода книг: 1) **עדת צדיקים**: Собрание рассказов об учителе нашем святом Беште, не приведенных в «Восхвалениях Бешта», а также рассказы о святых его учениках. 8. 1. (Львов?), 1865; 2) **מעשה צדיקים**: Собрание неизданных рассказов о деяниях Бешта и его учеников, а также изречения и поучения сих святых». Лемберг (без обозначения года); 3) **מפעלות הצדיקים** «Деяния Бешта и его преемников», S. 1. et s. a. (Львов или Варшава, печать новейшая).

² **סדר הדרות מתלמידי הבעשט** Систематическая история учеников Бешта и учеников его преемников, с присовокуплением библиографического указателя их произведений. Лемберг, 1865. Имя автора не значится на книге, но известно, что она принадлежит известному хасидскому ученому Менделю Бодеху. Автор пользовался по большей части устными источниками; но, по-видимому, пользовался ими с большим разбором, поскольку способен на такое критическое отношение к делу верующий хасид.

³ Следует еще упомянуть и об одной справочной книге по истории хасидизма. Мы говорим о биографическом и библиографическом Лексиконе варшавского книготорговца Арона Вальдена:

שם הגדולים החדש (Варшава, 1864, две части). Мы находим тут краткие отметки о разных представителях хасидизма и об их книгах, — отметки догматического характера (автор — глубоко верующий хасид), которым нельзя отказать в известной степени достоверности, но которые составлены без толку и без всяких хронологических указаний, особенно важных в справочной книге. Главное место в них занимают велеречивые титулы и эпитеты упоминаемых лиц, и зачастую такими эпитетами и ограничиваются все сведения, сообщаемые автором.

Бешта, находящейся в оксфордской бодлейанской библиотеке и заключающей в себе хотя скудные, но, по-видимому, точные данные о личности и деятельности Бешта¹.

Приступая теперь, после обстоятельной критики источников, к самому жизнеописанию Бешта, мы должны сказать следующее относительно способа изложения, которого мы будем держаться: мы считаем своим долгом представить не только Бешта действительности, но в известной степени и Бешта легенды. Вот почему нам придется соединить догматическое изложение с критическим исследованием, насколько последнее возможно в данной области. И, во избежание разных возражений, мы считаем нужным заключить наши вступительный критически замечания следующими авторитетными словами упомянутого уже нами выше мыслителя: «Я просил бы тех, которые упрекнут меня в излишнем доверии к рассказам, по большей части легендарным, принять во внимание... что предания, даже самые ошибочные, заключают в себе долю правды, которую история не может пренебрегать»².

II. Детство и отрочество Бешта (1698—1712).

Рождение Бешта. — Легенда о его отце. — Сирота. — Хедерная жизнь. - Побег из хедера и уединение в лесу. — «Бегельфер». — Сторож в синагоге. — Ночные бдения.

Израиль Бешт родился около 1698 года, в местечке Окупе, стоявшем тогда на границе Польши и Валахии³. Народная фантазия разукрасила этот первый момент в жизни Бешта следующей легендой, героями которой являются его родители. Последние жили близ польско-валахской границы, где часто случались набеги соседних полудиких татар, сопровождавшиеся грабежом и уводом пленных. В один из таких набегов попался в плен

¹ Рукопись эта озаглавлена **זאת תורת הקנאות** и принадлежит перу польского раввина Давида из Макова (города Ломжинской губ.), который написал ее в последний год своей жизни, в 1792 г. Существенные выдержки из этой книги присланы оксфордским профессором Нейбауэром историку Грецу, и последний приводит их в примечании к XI-му тому своей «Истории» (Gesch., XI, 594, 596—606). Рукопись имеет, по-видимому, главным своим предметом историю борьбы раввинов с хасидской сектой в 70-х и 80-х годах прошлого столетия, но мимоходом там сообщаются кои-какие сведения о Беште, основанные на личных воспоминаниях автора.

² Renan.

³ Год рождения Бешта можно определить лишь приблизительно. В одном из его писем от 1750 г. есть указание, что у него был в то время взрослый внук; на этом основании относят год рождения самого Бешта приблизительно к концу XVII века. Грец выбирает 1698 г.; почему именно этот год — неизвестно. В качестве приблизительной даты следовало бы поставить 1700 год, но в виду того, что введенная Грецом дата приобрела уже некоторое право гражданства в истории, мы ее оставляем без изменения. Еще труднее решить в точности вопрос о месте рождения Бешта. Из «Восхвалений» мы только узнаем, что его родители жили на границе Валахии и Польши, и что 14-ти летним мальчиком он был в Окупе (1, а, и 2, b.); а так как вам известно оттуда же, что до 14-ти лет он никуда не выезжал из родного города, то есть основание думать, что он родился в Окупе. Все, доселе писавшее о Беште, совершенно игнорируют этот вопрос, кроме Родкинсона, который прямо, без всяких объяснений пишет, что «Бешт родился в Окупе, который тогда был большим городом в Польше, а теперь есть маленькое местечко, стоящее на границе Австрии и России, в двух верстах от Жванца, Подольской губернии, а также в нескольких верстах от молдавской (румынской) границы в (**אור ישראל**, стр. 7). Мы искали м. Окупа в самых подробных ландкартах, но, к сожалению, не нашли.

отец Бешта, Элиезер; матери удалось спастись, но, лишившись мужа, она впала в бедность и, как за средство к жизни, принялась за ремесло повивальной бабки. Элиезер же был увезен в какую-то далекую землю и продан в рабство. Долгое время он верно служил своему господину, который поэтому также обходился с ним ласково и позволял ему по субботам не работать. Однажды господин Элиезера, имевший сношения с великим визирем, желая угодить последнему, подарил ему своего любимого раба. Элиезер и на новом месте успел приобрести расположение господина, и визирь сделал его сначала своим лейб-кнехтом, а потом, заметив необыкновенные умственные способности своего раба, — и своим советником. В качестве необыкновенно умного советника, визирь представляет Элиезера султану, которому наш герой также оказывает какие-то важные услуги, во время одной войны, за что султан приближает его к себе и дает ему в жены дочь одного из своих вельмож. Набожный Элиезер не поддается, однако, искушению и отказывается от всяких сношений с навязанной ему женой. По настоянию последней, он открывает ей, что он еврей, а потому не может с нею жить. Жена проникается жалостью к нему, дает ему много денег и драгоценностей и советует ему бежать. После разных приключений на дороге, где пираты отнимают у него все его деньги, Элиезер наконец возвращается на родину. Перед возвращением явился ему в видении пророк Илия и возвестил, что за все, перенесенные им бедствия Бог вскоре подарит ему, доселе бездетному сыну, который должен быть назван Израилем и который откроет очи Израилю, во исполнение сказанного пророком: «Израиль, им же хвалюсь». Предсказание, конечно, сбылось. Прибыл Элиезер домой, застал свою жену в живых, и вскоре затем, когда они уже оба были в преклонном возрасте, родился у них сын, которого они, по завету Илии, назвали Израилем¹.

Из всей этой невероятной легенды можно сделать только следующие вероятные фактические выводы: что родители Бешта были люди бедные, отец — средней руки «ученый», мать — повивальная бабка, и что сын родился у них в пожилых летах.

Спустя несколько лет после рождения Израиля, отец его умер. Перед смертью он взял своего маленького сына на руки и сказал ему: «Мне не суждено было вырастить и воспитать тебя, но всегда помни, дорогой сын, что с тобою постоянно и везде Бог, а потому тебе нечего бояться». Эти слова утешения, произнесенные умирающим стариком, глубоко запали в душу малютки — и впоследствии он часто повторял их, как свой девиз².

Вскоре после того умерла, по-видимому, и его мать — и Израиль остался круглым сиротой. Как все сироты, он сделался питомцем благотворительных общественных учреждений. К мальчику относились с особенным вниманием в виду ученых заслуг его отца. Когда наступил школьный возраст, который тогда начинался очень рано, на пятом году от роду³, Израиля отдали на общественный счет в традиционную школу — хедер. Достаточно вспомнить, чем был хедер в недавнем прошлом, даже чем он является теперь во многих глухих уголках «черты оседлости», чтобы представить себе более или менее верную картину хедерной жизни в начале прошлого столетия. Это было, конечно, нечто в

¹ Мы привели эту легенду в сокращении. Подробно см. «Восхваления Бешта», лист. 1, столбцы а, б, с. Легенда эта очень популярна среди хасидов. Ср. **סדר הדרות ההדש**, стр. 5.

² «Восхваление», 1, с. Родкинсон (н. с. стр. 11) приводит более подробное завещание, взятое, по-видимому, из собственного воображения.

³ См. Автобиографию С. Маймона, «Евр. Библ.», I, стр. 199.

роде того, что описывает в своей «Автобиографии» Соломон Маймон: «Школа обыкновенно помещается в маленькой дымной избе, а дети рассеяны на скамьях и на голом полу. Учитель сидит на столе в грязной рубахе, между ногами держит чашу, геркулесовой палкой трет в ней табак и в то же время управляет своим полком. Помощники его управляют со своими отделениями в углу и управляют своими подчиненными так же деспотически, как и учитель сам»¹. Хедерный учитель представлял собою, вероятно, тип воспитателя, изображенного тем же писателем: «Он был пугалом для всех молодых людей; попасть к нему было наказанием Божиим; он обращался со своими подчиненными с неслыханною жестокостью, сек розгами до крови за малейший проступок, нередко обрывал уши, выбивал глаза. И когда после этого родители потерпевших приходили к нему и требовали объяснений, то он, не обращая внимания на личность, бросал в них камнями и вообще всем, что попадалось ему под руку, и со своей палкой гнался за ними по улице до самого их дома»². Можно себе представить, что должен был вынести в такой школе бедный мальчик, сирота, лишенный всякого заступничества. Натура крайне впечатлительная, склонная к мечтательности и тихой сосредоточенности, Израиль должен был особенно сильно страдать от этих жестоких порядков. Он встречал суровый взгляд там, где ждал сострадательного, ласкового взора; он слышал гневные речи, испытывал нравственные оскорбления там, где он, одинокий и несчастный, искал слова утешения и одобрения, где жаждал привязанности, любви. Могло ли его удовлетворить хедерное учение, мог ли он хоть в нем топить свое горе, сосредоточиться и забыться? Конечно, нет, ибо то было учение сухое, суровое, насильно вбиваемое в детский ум и вовсе не соответствующее духовным потребностям обыкновенного ребенка, а такого впечатлительного ребенка, каким был Израиль, — и подавно. В то время как ему хотелось грезить и мечтать, в его ушах беспрестанно раздавались головоломные казуистические словопрения, которые он сам должен был долбить и усваивать из-под палки, под опасением всяких пыток и физических мук...

Горячая натура ребенка не могла вынести такого положения, — и вот он стал убежать из школы. «Поучился некоторое время в хедере, а потом вдруг пропадет на несколько дней. Ищут его — и находят в лесу одиноким, сосредоточенным»³. Мальчика, конечно, возвращали и силою водворяли в хедере, воздавая ему при этом должное за «самовольную отлучку». Но побеги из хедера повторялись. Думали, что это объясняется сиротством мальчика, отсутствием постоянного надзора, дикостью натуры; за беглецом усилили надзор, застращали всякого рода наказаниями, — но не помогло и это. Так шло довольно долго, побеги в лес от времени до времени повторялись, пока наконец опекуны Израиля не убедились в окончательной его неисправимости. Бедного мальчика исключили из школы и предоставили самому себе. Израиль мог теперь уединяться в лесу и мечтать сколько ему угодно. Что тянуло в лес, в уединение, этого обездоленного маленького человека? Внутреннее страдание, нравственное одиночество среди равнодушной толпы, бессознательное влечение к природе, к мечтательной сосредоточенности? Несомненно, что такая потребность была в душе ребенка и что лесное уединение, как удовлетворение этой потребности, играло немалую роль в нравственном воспитании нашего героя.

¹ Там же, стр. 203.

² Там же.

³ «Восхваления», 1, с.

Но, предоставленный самому себе нравственно, Израиль был предоставлен себе и материально. В виду его «дикости» и неблагонравности, общество, на счет которого он до сих пор воспитывался, отказало ему в помощи. Пришлось самому позаботиться о крове и куске хлеба. И вот маленький Израиль, которому тогда могло быть лет 11—12, нанимается бегельфером. «Бегельфер» — тип ныне уже отживший, но когда-то игравший важную роль. Это — детский компаньон, на обязанности которого лежало водить маленьких детей в хедер и из хедера, сопровождать их в синагогу и там приучать их к произношению «аминь» и коротких молитв. Не найдя сочувствия в старших, Израиль горячо привязался к маленьким детям, которые способны были платить бессознательною любовью за любовь; в этой сфере наивности и простоты он чувствовал себя привольно. Ревностно и любовно исполнял он свою обязанность «бегельфера» и,водя детей в синагогу, громко читал с ними молитвы, придумывая к ним особенно трогательные мелодии. Сам он любил молиться горячо, вкладывая в молитву всю свою душу — и эту любовь старался внушить детям¹.

Спустя некоторое время, мы видим уже Израиля на другой должности: он сделался сторожем в синагоги, чем-то в роде младшего синагогального служки. Ему было тогда около тринадцати лет. И тут, по-видимому, он чувствовал себя в своей сфере. Молитва, часы уединения, когда синагога пустеет, жизнь среди священных книг, в жилище божественного духа — все это должно было нравиться ему. Людям его поведение казалось странным. Днем и вечером, когда в синагоге все учились, он спал или чаще притворялся спящим; по ночам же, когда синагога пустела и завсегдатаи ее спали, он бодрствовал и пламенно молился, или читал душеспасительная книги; как только приближалось утро, он опять ложился спать, скрывая таким образом от людей свои таинственные ночные бдения². Окружающие смотрели на него, как на чудака или полоумного, но он продолжал идти своею дорогою.

III. Тайные приготовления и подвижничество (1712—1735 г.).

Открытие тайных рукописей. — Уединение вдвоем; изучение практической каббалы. —

Первая женитьба; смерть жены. — Бешт переезжает в местечко близ Брод и делается меламедом — Третьейский судья. — Женитьба на сестре раввина Гершона Кутовера. —

Уединение в горах. — Бедственное материальное положение. — Жизнь в корчме; уединение в лесу на берегу Прута. — Меламедство в Глуسته в бедность. - Открывается по достижении 36-ти лет от роду.

Что именно изучал юный Израиль во время своих ночных бдений, какие книги читал, во что углублялся — обо всем этом легендарное жизнеописание молчит; но вместе с тем оно сообщает нам несколько сказаний, ясно указывающих на то, что Израиль занимался

¹ Ibid., d. Тут же приводится легенда о том, как сатана хотел однажды искусить Израиля и обратился в колдуна, а затем в какого-то зверя, которого Израиль убил палкой, страстно распивая слова молитвы.

² Там же

каббалою, преимущественно практической, и не только по книгам, но и по редким, не всем доступным рукописям.

Вот что гласит легенда. В некоторой земле жил святой человек, чудодей, по имени Адам. Этот человек обладал таинственными рукописями по каббале, найденными им в одной пещере¹. Перед смертью было ему видение во сне, чтобы он передал имеющиеся у него рукописи отроку Израилю сыну Элиезера из города Окупа. И вот, умирая, он наказывает сыну взять тайные рукописи, поехать в Окуп, разыскать там 14-ти-летнего отрока Израиля сына Элиезера и передать ему тайным образом эти рукописи, ибо только для него они и предназначены. Отец умирает — и сын спешит исполнить его последнюю волю. Он приезжает в Окуп и останавливается в доме представителя общины, которому сообщает, что согласно завещанию отца он желает поселиться в этом городе и обзавестись тут своим домом. Так как приезжий был человек богатый, то ему сейчас же сосватали невесту, дочь местного богача, и вскоре женили. Освоившись несколько в новой обстановке, молодой человек стал разыскивать Израиля, сына Элиезера, которому он должен был тайно передать священные рукописи, — и к своему удивлению нашел в городе только одного человека под этим именем — в лице юного сторожа синагоги, пользовавшегося в городе весьма плохую репутацией. Он стал наблюдать за Израилем и наконец убедился, что этот юноша на самом деле далеко не такой, каким он кажется, что он скрывает в душе какую-то глубокую тайну. Желая сблизиться с ним, молодой человек, с дозволения богатого тестя, устраивает себе особую комнатку при синагоге, как бы для того, чтобы предаться там наедине изучению талмуда, и нанимает себе, в качестве прислужника, бедного синагогального сторожа. Тут он начинает более пристально наблюдать за Израилем и, заметив несколько раз его ночные бдения и таинственное поведение, окончательно убеждается, что имеет дело с неведомым миру святым, которому предстоит играть большую роль. Молодые люди знакомятся — и зять богача передает бедному сторожу связку священных рукописей, причем просит его, если возможно, посвятить и его в тайну их содержания. Израиль соглашается, но с тем, чтобы тот никому об этих знаниях не говорил, и чтобы перед людьми между ними были прежние отношения господина и слуги. Так они учились вместе довольно долгое время по ночам, никем не замеченные. Но так как жизнь синагогальная часто нарушала их уединение и мешала им заниматься, то товарищ Израиля нанял себе особый домик за городом и взял к себе туда Израиля, в качестве как бы компаньона. Тут они еще ревностнее стали заниматься библией, талмудом и каббалою. В рукописях, переданных Бешту, — говорит предание, — находилось много сведений по теоретической и практической каббале, и человек, посвященный в тайны последней, мог совершать чудеса².

Если весь этот рассказ имеет какое-либо фактическое основание, — а в нем по существу так много вероятного, что в таком основании трудно ему отказать, — то очевидно, что Бешт ревностно упражнялся в это время в практической каббале и что рукописи, открывшие ему столь многое, заключали в себе каббалистические сведения. Но какого именно рода были эти рукописи, кто был их автором и как попали они к юному

¹ Опускаем множество невероятных, фантастических рассказов о чудесных подвигах Адама; любопытные найдут их в «Восхвалениях», 2, а, b.

² О некоторых таких чудесах сообщает легендарное жизнеописание, 2, с. Сущность рассказа передается танке одним довольно достоверным источником — упомянутой уже книгой Бодэка סדר הדרות החדש, стр. 6.

отшельнику из Окупа? Мы позволим себе высказать на этот счет одно весьма вероятное предположение, которое, если оно оправдается, может пролить много света на происхождение религиозного учения Бешта. Известно, что вследствие саббатианского движения и разных ересей, возникших на основании практической каббалы, раввины XVII века строго воспретили, под страхом отлучения от синагоги, печатать рукописные сочинения творцов этой каббалы, Лурии, Виталья и многочисленных учеников их. Но так как спрос на эти сочинения был очень велик, то они обращались в народе в разных списках, которые по своей редкости покупались почитателями на вес золота¹. Самые крупные из такого рода сочинений стали впервые печататься в Польше, в конце XVIII столетия, когда необыкновенное возрастание хасидской секты вызвало усиленный спрос на них и когда издатели уже не боялись удовлетворять этому спросу². Но в юности Бешта, в первые десятилетия прошлого века, когда саббатианская ересь, с быстротой и силою эпидемии, распространялась по всему еврейскому миру, вооружая против себя и против луриянской мистики целые полчища раввинов, — в это время не только не могло быть речи о печатании сочинений практических каббалистов, но даже самые рукописи таких сочинений находились в опале, и обладатели таких рукописей должны были прятать их, из опасения быть заподозренными в саббатианской ереси. Весьма возможно поэтому, что некоторые из таких редких рукописей попали в руки юного Израйля в тот именно момент, когда он был уже несколько подготовлен к их пониманию, и что по своей склонности к чудесному он узрел в этом случае особый перст Божий, указующий ему его призвание. В таком смысле он, по-видимому, сам об этом впоследствии рассказывал, а еще позже, в устах его последователей, рассказ этот разросся в целую легенду.

Сколько именно продолжались занятия Израйля каббалою в загородном домике, в уединении à deux с товарищем, — об этом мы не имеем определенных данных. Мы знаем только, что они продолжались довольно долго и что, благодаря им, несколько изменилась репутация Израйля в городе. Хотя никто еще не подозревал, какие вещи творятся в таинственном загородном домике, однако, самый факт близости бедного синагогального сторожа к зятю первого богача внушал некоторое уважение к забытому юноше-чудаку: видели, что он изучает талмуд вместе со своим «господином», и полагали, что он образумился, сделался степеннее, а потому пора его и женить, ибо по тогдашним понятиям считалось большим грехом быть холостяком в 17—18 лет. За невестой дело не стало: живо отыскивали добрые люди подходящую особу и сочетали ее браком с Израилем.

¹ Труды Лурии и его школы так и назывались: «**כתבי האר"י**», т. е. «рукописями Исаака Лурии». Еще в 1745 г. знаменитый раввин Исаак Ландау писал: «Предшественники наши давно уже постановили, под угрозой великого херема, чтобы ни одной буквы из священных писаний Исаака Лурии не появилось в печати; ныне же следовало бы вновь подтвердить это постановление». Ср. **אבן אסל** Давида Когона (печатаю в «Гашахаре» 1874 г.), стр. 557, прим. 5; того же: **אבן ננף** (Вена, 1873), стр. 52; биографический и библиографический лексикон Азулаи «**שם הנדולים**» sub vocibus «Исаак Лурия» «Хаим Виталь» и «Эц Хаим».

² Главный компендиум практической каббалы, сочинение «Эц Хаим» (Древо жизни) Виталья, напечатано было впервые в волыньском городе Кореце в 1785 г., т. е. спустя слишком 200 лет после того, как оно было написано. В Кореце же и в других польских местечках печатались впервые многие другие писания луриянской школы и каббалистические творения отлученного М. Х. Луццато. Ср. Бенякоба: Лексикон, s. v. «**פרי עץ חיים**», и passim.

Недолго, однако, суждено было Израилю жить с этой женою: вскоре после свадьбы она заболела и умерла¹.

Между тем подходил конец и каббалистическим занятиям Израиля в загородном домике. Предание рассказывает, что в последнее время товарищ Израиля, не довольствуясь теоретическими занятиями, упросил последнего показать ему некоторые каббалистические опыты, на что Израиль согласился. Сначала дело шло довольно хорошо, но потом совершили они один очень трудный опыт, который для Израиля прошел безвредно, но стоил жизни его непосвященному товарищу². Лишившись, таким образом, и жены, и товарища, а вместе с тем и материальной помощи, которую последний ему оказывал, Израиль решился оставить родной город и искать счастья где-нибудь в другом месте. Ему было тогда приблизительно лет 20 от роду. Он направился в большой галицийский город Броды и поселился неподалеку от города в каком-то местечке. Здесь он взялся за ремесло, за которое берутся все неудачники, не находящие своего призвания: он сделался учителем юношества — «меламедом». Надо полагать, что он не был из числа крупных меламедов, в школах которых проходится высший курс талмуда, так как по всем видимостям сам Бешт не был особенный дока в талмуде³. Вероятно, он был одним из тех мелких меламедов, которые обучают начинающих детей чтению, молитвам и переводу Пятикнижия. Не смотря на это скромное положение, он вскоре приобрел в новом своем местожительстве всеобщее расположение: кротость его нрава, честность и известная житейская мудрость, приобретаемая часто безродными, заброшенными людьми, привлекли к нему внимание окружающих. И часто случалось, что в разных тяжбах и препирательствах его выбирали третейским судьей, как человека беспристрастного, мягкого и не склонного к резким решениям. Раз как-то случилось, что в числе тяжущихся был отец известного бродского раввина Гершона Кутовера⁴, Авраам. Мудрое решение, постановленное Бештом по его делу, так понравилось ему, что он разговорился с молодым человеком о вопросах духовных, ближе познакомился с ним и, узнав что он вдов, предложил ему в спутницы жизни свою дочь, разведенную с первым мужем. Предание говорит, что Авраам духом прозрел великую миссию Бешта и потому хотел породниться с ним. Израиль согласился, но с тем, чтобы брак был отложен на неопределенное время и чтобы о самих условиях брака, которые они тут же заключили между собою письменно, никто не знал до поры до времени. Вскоре после того, Авраам, возвращаясь домой в Броды, на дороге заболел и скончался. Сын его, бродский раввин, разбирая спустя несколько дней бумаги покойного отца, нашел в них письменное условие предстоящего брака между его сестрою и неким Израилем; удивленный таким неожиданным документом, он сообщает об этом сестре, но и та ничего не знает, — и оба решают, что, вероятно, покойный отец выбрал своей дочери кого-нибудь в мужья, но вследствие внезапной смерти не успел об этом сообщить. Проходит некоторое время — и вот в одно прекрасное утро является в дом бродского раввина, Гершона Кутовера, человек с очень

¹ «Восхваления», 2, с.

² Подробности см. там же, d.

³ Хотя Биограф его (ibid.) утверждает, что он был «очень ученый», однако, мы имеем основание думать иначе, что в своем месте докажем.

⁴ Гершон Кутовер (из города Кутова в Галиции) был одним из раввинов в Бродах и пользовался большой известностью, как талмудист и каббалист. Современные ему авторитетные раввины отзывались о нем с большим уважением. В конце своей жизни, приблизительно в 40-х годах прошлого столетия, он переселился в Палестину. Ср. **אבן אפל**, стр. 500, прим. 6, и **אור ישראל**, стр. 18, прим. 13.

простою наружностью, в коротеньком тулупе, опоясанном широким ремнем, и по своей фигуре напоминающий грубоватого деревенского еврея. Человек этот вынимает из кармана бумагу, подписанную покойным Авраамом Кутовером и заключающую в себе предварительные условия брака между дочерью подписавшего и Израилем, сыном Элиезера. «Я — Израиль, — заявляет таинственный незнакомец раввину, — и теперь явился за тою, которая назначена быть моей женой». Раввин был поражен видом этого человека: он не ожидал, чтобы покойный отец выбрал себе зятем такого «простака», каким казался ему Бешт. Он призывает сестру и передает ей печальную весть. Сестра, после некоторого раздумья, отвечает, что так как такова была последняя воля ее покойного отца, то она считает грехом противиться ей, и поэтому должна выйти за Израиля. Много скорбел гордый раввин о том, что ему приходится породниться с таким плебеем и невеждою (Бешт нарочно прикидывался и тем и другим, как может понять читатель), но делать было нечего; пришлось согласиться и назначить день свадьбы. Пред свадьбой Бешт наедине объясняется со своею будущей женой и открывается ей вполне; взяв с нее обещание никому ничего не говорить, он открывает ей свои тайные стремления, и спрашивает ее, согласна ли она стать его женою, не смотря на то, что ей с ним придется жить очень бедно. Женщина согласилась — и вскоре брак состоялся¹.

Бродский раввин никак, однако, не мог примириться с мыслью, чтобы шурин его был такой «ам гаарец» и невежда, роняющий его честь в глазах общества. Сначала он питался приохотить Израиля к изучению талмуда, пробовал заниматься вместе с ним, но наш герой, отчасти вследствие действительного нерасположения к раввинской мудрости, отчасти же вследствие зарок «скрываться» до поры до времени и не выдавать своих заветных стремлений, оказался самым неспособным учеником. Тогда рабби Гершон обратился к сестре и предложил ей следующую альтернативу: или развестись с недостойным мужем, или удалиться вместе с ним из Брод. На первое она, конечно, не хотела согласиться, но изъявила согласие на отъезд. Услужливый раввин купил для них на свои деньги лошадь — и бедная чета пустилась в путь, чтобы искать нового местожительства.

После долгих странствий, они поселились в какой-то местности — по-видимому, в деревне — между городами Кутовом и Касовом, в Галиции². Собственно жила в деревне постоянно только жена Бешта; сам же он по целым неделям и месяцам жил пустынником среди высоких гор, находящихся в окрестностях. Так как у бедных супругов не было никаких средств к существованию, то они решились утилизировать единственное свое имущество — лошадь и повозку, подаренные им раввином. Раз два-три в неделю бедная женщина запрягала лошадь в повозку и отправлялась к мужу в горы; тут он копал и взваливал на воз глину, а она возила эту глину в город, продавала ее и на вырученные деньги кое-как жила. Сам Бешт почти ни в чем не нуждался, ибо по большей части постился, а когда ел, то употреблял в пищу один только хлеб, который он изготовлял сам, помещая в особенной ямке против солнца месиво из воды и муки и предоставляя солнечной теплоте испечь из этого хлеб.

¹ «Восхваления», 3, а.

² В «Восхвалениях» не указывается в точности эта местность, но в другом источнике имеется указание на этот счет. См. סדר היררות, стр. 6; ср. также Родкинсона н. с. стр. 21.

Чтобы получить понятие о том, в каком уголке природы основатель хасидизма провел многие лучшие годы своей жизни, мы заимствуем из сочинения одного современного географа общее описание интересующей нас местности. «Здесь (т. е. в части Галиции, примыкающей к Буковине), — говорит этот географ, — Карпаты являются во всем своем величии, с их обрывами и крутизнами, с их зеленеющими пажитами и густыми лесами, составляющими резкий контраст с голою вершиною скал и белыми полосами снега, который целый год лежит на отлогостях, обращенных к северу... Самое грандиозное зрелище в этой системе гор представляют восточные Карпаты, где склоны еще большею частью покрыты громадными лесами, из которых там и сям выступают белые стены скал. Буковина, в гористой ее области, все еще заслуживает свое славянское название, означающее «страну буков»... Дно долин, вдоль бегущих по ним речек и ручьев, занято лугами и нивами, тогда как возвышенности по большей части покрыты еще густыми лесами, которые во многих округах до сих пор сохранили свою первобытную красоту. Говорят, что Пустельницкий бор, между Бродами и Жолкиевом, есть самый величественный из сосновых лесов Европы»¹.

В этом дивном уголке земли, который лет полтораста тому назад был, конечно, девственнее и грандиознее, чем ныне; в этой чудной местности, среди высоких гор, глубоких долин и густых, первобытных лесов — жил тихую, созерцательную жизнь Израиль Бешт. Он чувствовал себя одиноким, забитым среди людей, но здесь — едва ли. Он, свикшийся с раннего детства с мыслью, что Бог — единственный его защитник, как «отец сирот», постоянно сосредоточивая все свои помыслы на Высшем Существо, к которому чувствовал нечто в роде горячей сыновней любви, — он не мог чувствовать себя одиноким на лоне природы. Для него именно здесь присутствие Божие казалось более очевидным, нежели в шуме городов, на базаре житейской суеты. Там, где умолкал голос человеческий, громко звучал в его ушах могучий голос Бога. Он видел Его в немых очертаниях горных громад и таинственных долин, он слышал Его дыхание в шепоте леса, в росте трав, в шуме ручейка, журчавшего на дне глубокой долины. То, что поэт воплотил бы в красивые образы нимф, дриад и горных духов; то, что философ выразил бы в грандиозных словах: «мировое движение, мировая жизнь, великое непознаваемое», — все это он, человек пламенной веры, сосредоточил в личности Бога, которым одухотворил все окружающее, которого присутствие ощущал везде... И вот начало того восторженного доведенного до крайности, религиозного пантеизма, который составляет одну из существенных черт выработанного впоследствии учения Бешта. «Вся земля полна Богом!» — вот девиз этого учения. И человек, выработавший такое мирозерцание, не только понимал, но чувствовал или, точнее, прочувствовал его во всем его объеме, ибо оно было для него одновременно источником познания и источником утешения.

Доходили ли до Бешта, в глушь его уединения, отголоски из жизни общественной? Знал ли он о тех мистических движениях, которые происходили в духовной жизни польских евреев в те годы, когда он, одинокий бродил по склонам и ущельям Карпат? Вероятно, знал, ибо то время было слишком смутное и необыкновенное. Тайная саббатианская ересь все более распространялась в Подолии и Галиции, переходя то в крайнее религиозное отшельничество, то в восторженную разнузданность. Из «Введения» мы уже знаем, что в 1722 г. объявлен был первый, а в 1725 г. — второй херем против

¹ Реклю. Всеобщая география, т. III, стр. 327. (Русский перевод, изд. Ильина, Спб. 1878 г.).

тайных саббатианцев в Польше. Высказывать открыто свои убеждения, хотя и не еретические, но имеющие какое-либо отношение к кабале и мистицизму, стало тогда небезопасным. Весьма возможно, поэтому, что и Бешт во избежание подозрений, принужден был в то время — в 20-х годах прошлого века, когда и происходило его уединение — скрывать свои заветные убеждения, которые хотя и не заключали в себе ничего саббатианского, но могли быть заподозренными в ереси, вследствие своего мистического характера. И тут то, может быть, кроется причина тех долгих тайных приготовлений и многолетней уединенной жизни, которые предшествовали открытой деятельности Бешта.

В этот момент своей жизни, Бешт, по-видимому, был еще в значительной степени приверженцем лурианской каббалы, — той каббалы, принципы которой он впоследствии совершенно изменил. Мы видели, что в своем уединении он много постился и умерщвлял свою плоть. Подобно Магомету в его приготовительный период, он жил в глубокой пещере, находившейся в горных ущельях. Ежедневно он совершал омовения в озере, к которому прилегала его пещера. «И пещера, и озеро, — говорит новейший его биограф, житель Галиции, — доныне уцелели, и всякий прохожий может их видеть»¹.

Предание говорит, что такой образ жизни вел Бешт в продолжение семи лет². Надо, конечно, полагать, что не непрерывно жил он в уединении, в своем горном ущелье, но часто приезжал домой, в деревню, где жила его жена. Материальное положение их было, по-видимому, очень бедственное, так как тяжелое ремесло глинокопа едва ли могло удовлетворять даже их скромным насущным потребностям. Наконец, когда уже не в терпеж стала им эта бесприютная жизнь, они покинули свою деревню и отправились в Броды, чтобы просить поддержки у своего брата и шурина, который так безжалостно, из мелкого тщеславия, выжил их из своего города. Суровый раввин встретил их сначала очень неприветливо, но услышав от сестры печальную повесть об их долгих бедствиях и скитаниях, сжалился над ними и поселил сестру в скромном домике, рядом с своим жилищем, а Бешта взял в себе в качестве служителя. Но Бешт и в этой роли оказался совершенно негодным. Чтобы хоть как-нибудь обеспечить сестру и вместе с тем избавиться от присутствия зятя, рабби Гершон взял для них в аренду небольшую корчму с постоянным двором, неподалеку от Кутова, по течению реки Прута. Израиль с женою поселились в корчме и зажили новою жизнью.

Продолжительным уединением в горах Бешт, по-видимому, считал себя уже значительно подготовленным к своей будущей роли. Теперь надлежало лишь довершить эти приготовления, достигнуть еще большего духовного совершенства, пока не настанет время выступить открыто. Поселившись в корчме, Бешт устроился следующим образом. Семейство свое³ он водворил в самой корчме, где жена его хозяйничала, продавала водку, принимала заезжих, словом исполняла все обязанности хозяйки постоялого двора и

¹ **סדר הדרות** М. Бодка, стр. 6.

² «Восхваления». 3, d. Как на любопытную историческую параллель, можно указать на то, что об известном творце практической каббалы, Исааке Лурье, жившем за полтора века до Бешта, предание также рассказывает, что он уединялся сначала в продолжение семи лет. Ср. **שבחי הארי**, стр. 3 (варшав. изд. 1875 г.).

³ В легендарном жизнеописании ничего не говорится о деяниях Бешта в это время, а между тем он уже тогда несомненно имел детей, сына и дочь, о коих говорится в прочих местах той же книги, а также в **סדר הדרות**: стр. 6—7; ср. также Лексикон Вальдена sub voce.

шинка. Сам же он построил себе особый домик в близлежащем лесу, на самом берегу реки Прута, и в этом новом уединении проводил в молитве, изучении каббалы и ночных бдениях большую часть своего времени¹. Домой в корчму являлся он только по субботам и по праздникам, а нередко также и в будни, когда жена посылала за ним, чтобы прислуживать заезжим постояльцам. В таких случаях, он исполнял всякие работы и приказания, как настоящий корчмарь, и ничем не выдавал своих заветных стремлений. Дела шли у него в это время довольно хорошо, он порядочно зарабатывал от своего шинка и постоялого двора, и семейство его жило не в нужде. Сам Бешт по будням соблюдал величайшее воздержание, забирая с собою в лесной домик одну булку хлеба на всю неделю; но за то по субботам и праздникам он одевался в белое платье и, восседая во главе своей семьи, проводил время весело, ни в чем себе не отказывая. Во время больших осенних праздников он жил в городе (по-видимому, в Кутове) целый месяц².

Как ни тщательно скрывал Бешт от людей свои религиозные стремления, однако, случалось ему не раз невольно выдавать себя. Так, однажды заехал к нему в корчму раввин, которого случайные обстоятельства задержали на постоялом дворе несколько дней. Сначала раввин обращался с Бештом, как с простым слугою; но когда настала суббота и гость заметил необычайно торжественное настроение Бешта, он стал следить за ним и убедился, что имеет дело не с деревенским невеждою, а с человеком, изведавшим всю глубину тайной мудрости. Наконец, после долгих уверток, Бешт вынужден был открыться гостю, но взял с него клятву никому пока об этом не говорить, ибо время открыться людям еще не настало.

Прежде, однако, чем Бешт стал действовать открыто, ему пришлось еще раз испытать непостоянство фортуны. Вследствие каких-то обстоятельств, он лишился своей корчемной аренды и вместе с нею своего кратковременного благосостояния. Относительно следующего периода его жизни существуют две версии, приводимые в жизнеописании, как предания, почерпнутые из двух разных источников. Один рассказ гласит, будто после того как он открылся гостю-раввину, его самого пригласили занять должность духовного пастыря в одном близком городе (в Тлусте?), на что он и согласился. Согласно другому же рассказу, обстоятельства сложились вовсе не так благоприятно для Бешта, и ему пришлось пережить еще немало испытаний прежде, чем он достиг своей громкой репутации вероучителя и чудодея. В виду того, что рассказ во второй версии идет из источника, весьма близкого к Бешту (автор жизнеописания слышал его от своего тестя, который вскоре после описываемого времени сблизился с Бештом и стал у него писцом), да и сам по себе кажется более вероятным, то мы более склонны соображаться в своем повествовании с его данными.

И так, согласно этому рассказу, Бешт, лишившись своей корчмы, нанялся сначала домашним учителем в дом одного деревенского арендатора, детей которого обучал талмуду. После того он поселился в маленьком галицийском городе Тлусте и там взялся за

¹ Еще одно любопытное сравнение: об Исааке Лурье предание также рассказывает, что в позднейшие годы он жил в уединении в одном домике, построенном на берегу реки Нила, в Египте. Невольно возникает мысль, что в известное время своей жизни Бешт считал основателя практической каббалы своим идеалом и старался ему подражать.

² В «Восхвалениях» рассказ о жизни Бешта в корче изложен в двух вариантах (3, d и 4, d), мало, впрочем, разнящихся друг от друга. Мы выбрали наиболее достоверные из того и другого, опустив массу не идущих к делу легенд.

свою старую профессию меламеда. Профессия эта кормила его, по-видимому, очень плохо, и предание нам рассказывает, что он был до того беден, что «пальцы ног торчали у него постоянно из дырявых сапог»¹. Жил он среди людей по-прежнему чудачком, молился большею частью наедине и с необыкновенным экстазом, совершал частые омовения перед молитвою, даже в морозные зимние дни, и т. п. Мало по малу люди стали угадывать тайные мотивы его поступков, да и он сам становился мене скрытен. Многие узрели в нем истинно святого человека, способного творить чудеса. Несколько раз к его помощи прибегали больные с просьбою об излечении, но он отказывался лечить, ибо, как гласит предание, до 36-ти летнего возраста запрещено было ему свыше «открыться миру». Но вот в одно прекрасное утро Бешт сосчитал свои лета и нашел, что ему уже минуло ровно 36 лет от роду. Тогда он оставил учительство и выступил открыто в качестве религиозного проповедника и чудодея. Конечно, фактически вероятнее будет, что он сосчитал свои лета не до, а после своего «открытия», и что, как всегда в подобных случаях бывает, случайный факт возведен был впоследствии на степень факта необходимого, предвещенного².

С. Дубнов.

(Продолжение следует).

¹ Ibid. 5, а.

² Основываясь на предании, Израилу Бешту было 36 лет, когда он открылся; следовательно, это событие следует отнести приблизительно к 1735 г. Таким образом открытая деятельность Бешта продолжалась от 1735 до его смерти в 1760 г. Напрасно, поэтому, Грец обвиняет в «неточности» Иоста, утверждающего, что Бешт действовал приблизительно между 1730 и 1760 годами: дата, предлагаемая Грецом (1747—59 г.), слишком коротка и основана на документе, ничего подобного не доказывающем. Ср. Geschichte, XI, 597. Родкинсон (н. с, стр. 26) ставит началом открытой деятельности Бешта 1732 г. вследствие недосмотра: он ошибочно пишет, будто Бешт открылся, когда ему было 33 года от роду. Впрочем, совершенно точной даты никто не может установить на основами имеющихся данных.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХАСИДИЗМА.

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЗРАИЛЯ БЕШТА.

IV. Открытая деятельность Бешта (1735—1747 г.)

Характер данных для описания нового периода в жизни Бешта. — Легенда и чудеса, как исторический материал. — Среда, окружавшая Бешта. — Личные наклонности основателя хасидизма. — Бешт, как чудодей. — Тип «баалшема». — Чудесные исцеления: заклинания, знахарство, амулеты. — Предсказание будущего. Бешт и слуцкие «державцы». — Прочие чудеса Бешта. — Видения и гласы свыше. — Жизнь в Меджибоже. — Восторженная молитва. — Проповедь и учение Бешта.

И так, приблизительно с 1735 года начинается новый период в жизни Бешта — период открытой деятельности и публичной пропаганды, продолжающейся до самой его смерти. Тут уже личная жизнь его отступает на задний план, и предание говорит нам о нем почти исключительно как об общественном деятеле, проповеднике и чуде. Самый характер сведений, сообщаемых преданием об этом периоде, резко отличается от тех данных, которые мы имели для истории предыдущей жизни Бешта. О первой половине жизни Бешта — о его детстве, юности и приговорительном периоде — мы имели хотя скудные, но тем не менее довольно систематические данные, расположенные в некотором последовательном порядке, между тем как о втором периоде его жизни, о периоде его открытой деятельности, мы имеем огромное количество данных, но все они дошли до нас в таком хаотическом беспорядке и изобилуют такою массою невероятных легенд, фантастических рассказов и странных преувеличений, что в обширной массе их только теряешься. Никакого порядка, никакой связи нет в этих данных: это — беспорядочная груда строительного материала, годного и негодного, сваленного как попало и крайне разбросанного. Вы вращаетесь в атмосфере чудес, таинственных видений, мистических подвигов, — и только яркий бытовой, исторический колорит, присущий большей части слушаемых вами рассказов, убеждает вас, что вы не витаете в воздушных эмпиреях, вне времени и пространства, а находитесь в Речи Посполитой первой половины XVIII века, то в корчме арендатора, то в деревенском шинке, то в синагоге во время молитвы или проповеди, то в интимном кружке экзальтированных раввинов.

Можно ли из такого материала извлечь сколько-нибудь достоверные исторические данные? Да, с трудом, но можно. Догматическая история разных сект и вероучений часто употребляет особый загадочный язык, который, однако, долгий опыт научил нас дешифровать. Многие чудесные рассказы, сверхъестественные факты можно перевести на язык действительности — и они станут более или менее понятны и естественны. Надо только вникнуть в логику суеверия, в метод легендарного творчества. И главное — надо хорошо знать среду, в которой данные верования возникли; надобно постоянно помнить следующие глубоко-истинные слова одного современного мыслителя: «Наблюдение,

которое ни разу не было опровергнуто, убедило нас в том, что чудеса происходят только в такие времена и в таких местах, где в чудеса верят, и на глазах таких людей, которые расположены в них верить. Ни одно чудо не произошло на глазах людей, способных определить свойство чудесного деяния... Чудо есть в гораздо большей степени дело рук публики, чем того, которому оно приписывается»¹. Какова же была та публика, перед которою Бешт разыгрывал роль чудодея?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего иметь в виду, где именно происходила деятельность Бешта. Мы знаем, что основатель хасидизма жил и действовал в Подолии и в прилегающих к ней частях Галиции и Буковины, т. е. в тех именно местах, где еврейская масса донныне еще поражает своею замкнутостью, бедностью материальною и нищетой духовною. Этот пункт всегда был средоточием самой темной части еврейства; он заключал в себе как бы квинтэссенцию еврейского плебейства. Мелкий деревенский арендатор, грубый корчмарь, отличавшийся от малорусского мужика только верою и покроем платья, хозяин постоялого двора, шинкарь с присущею ему грязною обстановкой, бедный городской ремесленник, мелкий торговец, разнощик товаров, панский фактор², и т. п. — вот тот разночинный люд, среди которого действовал Бешт. Этот темный люд, составлявший, однако, подавляющее большинство народа, жил в подвале общественного здания, придавленный тяжестью двух властей — кагала и панства³. Кагал давил эту темную массу тяжестью неимоверных налогов, от которых класс богачей и ученых был свободен, заставлял ее покупать решительно все, до права передвижения включительно, словом — угнетал ее экономически до того, что «для бедного еврея жизнь становилась невыносимо тяжелою»⁴. Панство угнетало бедную еврейскую массу не только материально, но и нравственно: пан смотрел на своего арендатора, шинкаря, ремесленника, на всякого еврея, жившего на его землях платившего ему чинш, как на свою живую собственность, как на своего хлопа, и потому всячески принижал его и оскорблял нравственно. Своего русского хлопа пан хоть презирал, но боялся его физической силы, памятуя времена Хмельницкого; со стороны еврейского же хлопа он ничего не мог опасаться — и потому безнаказанно тешился, надругался над ним. А между тем русское холопство тоже не дремало: подстрекаемое вольным запорожским казачеством, оно частенько страшно мстило панам за свое унижение, причем первыми жертвами его ярости бывали евреи, поставленные по своему положению между панством и холопством. Мы говорим о знаменитых гайдамацких набегах, которые в это время (1730—1768 г.) наполняли ужасом всю Польшу и держали в вечном страхе панов и евреев⁵. Произвол, грабеж, самосуд, невежество и мрак царствовали в несчастной стране, обреченной на скорую гибель. Разврат и произвол в высших классах, грубость нравов и полнейшее одичание в низших классах — вот печальная картина тогдашнего общества, и не только христианского, но и еврейского.

¹ Renan.

² См. автобиографию С. Маймона, «Евр. Биб.», т. I, стр. 190—195.

³ Ibid, 226: «Наш народ, как осел, стонал под двумя ношам - собственным невежеством и невежеством и предрассудкам господствующего населения».

⁴ Бершадский, Литовские евреи, стр. 14; подробнее о положении евреев в XVIII в. см. там же, стр. 15—26.

⁵ «Гайдамачина» Д. Мордовцева, гл. IV и пр.

Такому общему положению вещей вполне соответствовало и умственное состояние народа. Еврейская духовная аристократия питалась хоть однообразною и неудобоваримою, но все-таки обильною умственною пищей; масса же была духовно голодна, невежественна в легковерна. Правда, не везде существовало такое резкое различие между интеллигентным классом и простонародьем: в Литве, например, умственный уровень простолюдина был сравнительно довольно высокий (мы, конечно, говорим об образовании чисто религиозном, какое только и было мыслимо в то время): тут сельский элемент в еврейском населении был очень незначителен, а преобладал элемент городской, стоявший очень близко к духовным пастырям, от которых не мог не позаимствоваться кое-чем. Не то было на Украине и особенно в Подолии. Тут еврейское сельское население преобладало над городским, масса была по большей части далека от духовных центров и коснела в невежестве, почти наравне с окружавшими ее русскими крестьянами¹. Грубое суеверие, свойственное сельскому люду, заменяло здесь истинную веру. Вера в колдовство, нечистые силы, знахарство, в знамения и чудеса — занимала главное место в религиозном мирозерцании этой массы. Всякие мистические бредни находили тут благоприятную для себя почву². В народе много толковали о чудесных исцелениях, изгнании нечистых духов из «одержимых» и о многих тому подобных подвигах святых мужей, чудодеев...³ В такой-то именно среде начал свою деятельность Бешт, который — история должна отметить этот печальный факт — большею частью своего успеха в массе был обязан не лучшим сторонам своего учения, а главным образом своей деятельности в качестве чудотворца.

Сам Бешт по своим воззрениям стоял очень близко к этой темной и легковерной массе. Это происходило не от его недостаточного духовного развития (ибо во всем, что касалось религии, Бешт несомненно был очень сведущ и мог перещеголять любого богослова), а исключительно от того, что он сознательно выработал в себе такие воззрения. То, во что масса верила бессознательно, он возвел в систему и верил в это сознательно. И действительно, когда вникаешь в его учение, убеждаешься, что этот человек не мог не быть чудотворцем. Он очевидно не совершал чудес, чтобы потворствовать суеверию массы, он никого не обманывал, не вводил в заблуждение, но сам был уверен в себе и в своих чудотворных способностях. Мирозерцание этого человека было такое, что для него совершенно терялась граница между естественным и сверхъестественным фактом: для него все было естественно, или точнее, все сверхъестественно. Он был, например, убежден (и впоследствии развивал это в своем учении), что если человек сосредоточенно

¹ Ср. «Мысли о хасидизме» И. Г. Оршанского, в «Евр. Библ.», т. I, стр. 83—84 (изд. 2-ое).

² Замечательно, что все почти мистические ереси, волновавшие польское еврейство с середины XVII до середины XVIII века, имели своим главным центром Подолию и пограничную с нею часть Галиции. Литва вовсе стояла в стороне от этих мистических движений, а в остальной части Польши, как, например, во внутренней Украине и Волыни, они нашли лишь весьма слабый отклик. В Подолии же и Галиции сосредоточилась главная деятельность разных пропагандистов, вроде Хаима Малаха, Иуды Хасида и Якова Франка. И тут именно впоследствии впервые взвилось знамя хасидизма. Таким образом, хасидизм, не будучи сам по себе ересью, возрос несомненно на почве мистических ересей. Об отношении Бешта к Саббатрианству и в частности к своему современнику Якову Франку мы еще подробно будем говорить ниже.

³ «Нет такой страны, — говорит один летописец-современник, — где евреи занимались бы так много мистическими бреднями, чертовщиной, талисманами, заклинанием духов, как в Польше» (Тобиас Рофе в книге «**שיביה מעשה**», напечатанной в 1707 г. Ср. «Эвен Офел» Д. Когона, гл. VI).

думает о ком-либо или о чем-либо, то объект его мысли всегда присутствует тут же¹. Таким образом видения, всякого рода внушения свыше и чудеса делаются как бы простыми естественными фактами. Было ли такое убеждение у Бешта результатом экзальтированного настроения или умственного, логического заключения — трудно сказать. Вероятно, оно было результатом и того и другого: ум объяснял и систематизировал то, что диктовали восторженное чувство и воображение. Учение абсолютного всебожия, развитое им впоследствии, т. е. учение о том, что Бог находится буквально во всем, даже в самых ничтожных творениях и вещах, — служило лишь общим основанием такого рода воззрений. Раз Бог везде и во всем, то люди достаточно «приготовленные» могут быть очень близки к Нему и часто даже влиять на направление Его воли, т. е. совершать чудеса...

И вот Бешт начал свою карьеру в качестве чудодея.

В Польше издавна существовал особый класс чудотворцев-знахарей, которые были известны в народе под именем Баале-Шем, т. е. действующие именем Божиим. Специальностью их было лечить всякого рода болезни, в особенности же болезни умственные (нервное расстройство, меланхолию, умопомешательство etc.), которые тогда приписывались действию злого духа, вселяющегося в «одержимый» субъект. Обыкновенные болезни они лечили посредством амулетов («камеос»), т. е. кусков пергамента, на которых писались разные таинственные формулы и которые обыкновенно вешались пациенту на шею, а также посредством трав, курений, заговариваний и нашептываний; трудные же болезни, и в особенности умопомешательство, они лечили посредством громких и торжественных заклинаний, имевших целью изгнать «злого духа» из больного субъекта. С легкой роли творцов практической каббалы, таких чудесных целителей развелось с XVI века очень много, и больше всего их было в Польше. Уже около середины XVII века пользуется славой чудодея р. Иоиль Баалшем, живший во время резни 1648 г. и совершивший тогда чудо, о котором мы уже рассказали². Об этом же человеке рассказывают, что он однажды посредством заклинаний публично изгнал злого духа из одного помешанного в Позене³. В последующее время нам известны имена многих таких чудотворцев, носивших по большей части титул «Баалшем». Таковы, например, Моисей Прагер, совершивший изгнание злого духа на глазах многочисленной толпы в Никольсбурге, в 1696 году; Вениамин Коган, автор нескольких книг по практической каббале, и Илия Баалшем, живший в первой четверти XVIII века⁴. Множество «баалшемов», менее известных, жило несомненно и во время Бешта и спустя долгое время после него. Не далее как лет 50 тому назад, можно было встречать массу

¹ См. **צוואת הרי"ב** т. е. «Завещание Бешта», стр. 8. Подробнее об этом как и вообще об учении Бешта, будем говорить в следующей главе.

² «Введение в историю хасидизма» «Восход» с. г. кн. 1—2, стр. 98.

³ Ср. **אבן אסל** Д. Когана, а также известную народную книгу **קב הישר** (напечатана во Франкфурте в 1705 г.), гл. 69.

⁴ В галицийском городе Жолкиеве вышла в 1720 г. книга под заглавием **תולדות אדם**, заключающая в себе собрание заклинаний, каббалистических советов и рецептов, заимствованных из рукописей р. Иоили Баалшема, р. Илии Баалшема и прочих каббалистов. От имени Иоили Баалшема напечатан так же

каббалистический лечебник **מפעלות אלהים** (в 1724 г.). Ср. Лексикон Бенякоба, sub vocibus.

бродячих «баалщемов», переезжавших из города в город, из деревни в деревню, и привлекавших к себе громадную толпу ищущих исцеления. Ныне этот тип уже переводится и встречается лишь в самых глухих уголках еврейского темного царства; но в XVIII веке он был еще весьма распространен и представлял обыденное явление.

За ремесло чудотворца-целителя взялся и Бешт в начале своей публичной карьеры — и прозвище «Баалшем», данное ему еще при жизни, осталось за ним навсегда. Известно, что «Бешт» не было фамильным прозвищем основателя хасидизма (фамильных имен тогда еще между евреями и не было), а составляет сокращенное выражение слов «Баал Шем Тов» («Добрый чудотворец»; подчеркнутые начальные буквы этих слов: БШТ, согласно еврейской вокализации, составляют слово «Бешт»). Это сокращенное прозвище стало употребляться в литературе лишь после смерти Бешта; при жизни же он был всем известен под именем Израиль Баалшем или Баалшем Тов, каковым именем он и подписывался под некоторыми документами, дошедшими до нас от него¹.

Согласно преданию, Бешт прославился в начале своей «врачебной» деятельности чудесным исцелением одного сумасшедшего, из которого он посредством заклинаний изгнал злого духа². Не всегда, однако, он прибегал к заклинаниям, а нередко лечил одной только молитвой³. Изгонял он злых духов не только из людей, но также из «нечистых» жилищ⁴. Но подобные случаи, по-видимому, встречались довольно редко, и гораздо чаще, чем в роли экзорциста, мы видим Бешта в качестве обыкновенного лекаря, деревенского знахаря и сочинителя целительных амулетов. Так, в одном случае он прописывает больному усиленное кровопускание, несмотря на то, что присутствующий при этом врач противится такому лечению; в другой раз он советует поставить одной больной пиявки и вскрыть жилы; иногда же он совсем отказывается лечить, когда находит болезнь неизлечимую или, как выражается предание, «когда его свыше извещают, что больному не суждено выздороветь»⁵. Обладая несомненно некоторыми медицинскими познаниями, почерпнутыми или из книг, или из личных наблюдений в деревенской знахарской среде, — Бешт мог в большей части случаев лечить успешно, так что при счастливом исходе болезни его прославляли, как чудотворца, при неудаче же он мог всегда приискивать подходящее оправдание, вроде «гласа свыше», «победы сатаны» и т. п. Это было ему тем легче, что лечение свое, даже при употреблении простых средств, он облакал таинственностью. Его слава как лекаря была так обширна, что часто его приглашали даже в панские хоромы, где он также лечил весьма успешно и получал щедрое вознаграждение⁶. Врачи-специалисты, завидуя его славе и опасаясь конкуренции, часто преследовали его⁷. Когда они его спрашивали, откуда он черпал свои медицинские

¹ См. Автобиографию Маймона, Евр. Библ. Т. II, стр. 263. Тут, впрочем по ошибке значится «Иоэль Баалшем» вместо «Израиль Баалшем». Ср. так же **אור ישראל** Родкинсона, стр. 48-53. См. Лексикон Азулаи **סם הנדולים** Т. II, буква А, № 54 и буква Ц, № 29.

² «Восхваления», 5, а; Ср. так же 22, с.

³ Родкинсон: **אור ישראל** стр. 47; там же о лечении посредством нашептывания.

⁴ «Восхваления», 5, а (изгнание духа из дома арендатора), и 14, d (изгнание духа из синагоги).

⁵ Там же, 19, с.; 10, с.; 16, а; 5, с; 35, с, и в разных других местах книги.

⁶ «Восхваления», 35, с: «Графиня хвалила Бешта перед врачом, как великого человека и замечательного лекаря». — Более важные сведения находим в рукописи Д. Макова **זאת תורת הקנאות** «И был у Бешта обычай разъезжать по панам, коих лечил за вознаграждение». Приведено у Греца, В. XI Noten, в. 597.

⁷ «Восхваления», 5, с: «Врач из Острога хотел убить Бешта из пистолета».

познания, он простодушно отвечал: «Господь меня научил»¹. По-видимому, он, однако, побаивался их и часто не соглашался лечить там, где присутствовал врач²; избегал он также лечить там, где помимо него пользовались услугами деревенских «колдунов»³. Разъезжал он сам к больным, ездили и к нему. Нередко, когда он приезжал в какой-либо город, его обступала со всех сторон большая толпа, требуя медицинских советов, лекарств и амулетов⁴. Иногда он имел неприятности от панов или полицейских властей, так как многие смотрели на него, как на колдуна. В таких случаях, его часто спасала его громкая репутация. Так, когда один помещик подал меджибожскому комиссару жалобу на Бешта с требованием выселить его из Меджибожа (где Бешт тогда жил), комиссар дружески посоветовал жалобщику не трогать еврейского чудотворца, но стараться всячески задобрить его, ибо он не колдун, а Божий человек, пользующийся громадной славой в народе⁵.

Самым обычным способом лечения у Бешта была, по-видимому, раздача амулетов. На маленьком куске пергамента писалось имя пациента и его матери, а затем шел ряд таинственных формул, писавшихся особым кудреватым шрифтом и заключающих в себе имена разных ангелов, злых духов, заклинания и непонятные для непосвященных сочетания букв. Кусок пергамента вдевался обыкновенно в жестяную рамку, наглухо закрытую, к рамке прицеплялся шнурок — и чудотворный талисман в таком виде носился на шее под исподним платьем. Амулеты брались для самых различных случаев; большей частью они служили не средствами лечения от болезни, а средствами предохранения от той или другой болезни. Их брали для новорожденных — чтобы обеспечить им безболезненный рост, для рожениц — чтобы предохранить от послеродовых болезней и нечистых сил, окружающих их постель, для перепуганных, для меланхоликов, для страдающих бессонницей, вообще для всех видов нервных расстройств, где предполагалось действие нечистой силы. Писание амулетов было очень распространено во время Бешта — и сам знаменитейший раввин того времени, Эйбшиц из Праги, усердно занимался этим делом. Но наиболее авторитетным специалистом в этом деле был Израиль Бешт: чудотворная целительная сила его амулетов славилась повсюду, и из ближних и дальних мест ездили к нему для покупки амулетов. Практика его по этой части была такая обширная, что он сам не мог справляться с нею и должен был нанять сначала одного писца, а потом и другого к нему, в качестве помощников при составлении амулетов⁶.

¹ Там же, 5, с, и 35, с.

² Там же, 5, с: «Нет, не стану лечить, ибо узнал, что сюда идет доктор из Острога».

³ Там же, 28, в.

⁴ Там же, 26, d: «Когда он приехал в Радвил, (совсем без денег), стали ходить к нему массами жители города за лекарствами, и так повторялось в прочих городах, по коим он разъезжал, так что он принес домой много денег».

⁵ Там же, 17, d.

⁶ Там же, 4, с: «Сначала, — говорит автор «Восхвалений», — мой тесть Александр Шохет состоял у Бешта писцом в продолжение восьми лет, а затем к нему прибавился второй писец, благочестивый р. Цеви, в оба они работали у него, ибо практика Бешта была слишком велика в обременительна для одного человека». — См. также *ibid.*, 18, b: «Р. Шмерель имел обыкновение брать у Бешта амулеты при рождении каждого сына и даже каждой дочери, за что платил по два красных или дороже, ибо был весьма богат»; см. еще 27 с. и *passim*. Автор упомянутой выше рукописи, Давид Маков, подтверждает все это: «Израиль из Меджибожа, — говорит он, — был известен не как ученый, а главным образом как баалшем, пишущий амулеты». Ср. Graetz, *Gesch.*, XI, 597. Показание Бодека (**סדר הדרות החדש**, стр. 5), будто «все свои чудеса Бешт совершал не прибегая ни к заклинаниям, ни к амулетам», лишено поэтому всякого основания.

Впрочем, эти «писцы» или «секретари» (софрим) помогали ему не только в деле писания амулетов, но и во многих других его делах¹.

А дел у него было много, ибо славился он не только как чудесный целитель недугов, но и вообще как «человек Божий», способный предсказывать будущее, угадывать мысли человека по его наружности, давать знамения и совершать всякого рода чудеса. Особенно велика была его слава, как предвещателя будущего. Рассказами о его чудесных предсказаниях занята большая часть его легендарного жизнеописания. Так, однажды к Бешту приходит арендатор весьма озабоченный плохим состоянием своих дел, с целью, вероятно, спросить у чудотворца совета. Бешт вдруг начинает ему говорить о суете мирских дел и советует по возможности скорее совершить покаяние, ибо «видел он, как за арендатором увивается ангел смерти». Окружающие удивлялись этому, и шурин Бешта, раввин Гершон Кутовер, стал даже упрекать его за такое отношение к несчастному человеку, нуждающемуся в практическом совете; но Бешт возразил: «Что же мне делать, если вы — слепцы и не видите ангела смерти, стоящего позади этого человека?» Спустя короткое время предсказание Бешта сбылось: арендатор внезапно умер². В другой раз, Бешт совершал обрезание новорожденного и сказал присутствующим, чтобы они этого ребенка никогда не перевозили через упомянутый мост, под названием «Гребля», ибо иначе он будет горбатым. Спустя много лет, об этом предсказании забыли, и однажды, переезжая с мальчиком через упомянутый мост, заметили, что у него вдруг вырос горб на спине³. Еще один случай. Однажды Бешт провел несколько дней в городе Балге и предсказал, что город этот вскоре будет разрушен, а затем его опять отстроят, и уж тогда он будет стоять до самого пришествия Мессии. И действительно, во время великой войны между Россией и Турцией (1768—1774 г.?) этот пограничный город был разрушен дотла. Предание прибавляет, что роковое предсказание произнесено было при следующих обстоятельствах: в Балге бывали часто большие ярмарки, на которые съезжались купцы из всех стран, а как раз в это время Бешт говорил свою обычную субботнюю проповедь, причем из-за шума на улицах ничего нельзя было расслышать; тогда Бешт разгневался и сказал: «Погоди же, Балта, ждет тебя еще несчастье!»⁴.

Все это были, однако, предсказания произвольные, пророчества, внушаемые внезапным наитием святого духа. Но чаще всего случалось, что к Бешту обращались за практическими советами, где требовалась не сообразительность, а умение отгадывать. В таких случаях Бешт обыкновенно брал книгу «Зогар» — библию каббалы — и, раскрывая ее наугад, тотчас предсказывал по ней требуемое. Приводим несколько характерных случаев подобного рода. У одного купца в Меджибоже сын поехал с товаром в Бреславль и долго не давал о себе вестей. Купец очень тревожился об участи сына, но не решался обращаться к Бешту, ибо не верил в него и «постоянно был в числе его противников». Наконец, жене удалось уговорить купца обратиться за советом к Бешту, ссылаясь на то, что ведь ездят же к этому человеку «изо всех стран света, и он всех удовлетворяет своими советами». Когда купец явился и изложил свою просьбу, Бешт раскрыл «Зогар» и, подумав немного, сказал: «Твой сын здоров и очень близок к тебе — всего в одной миле отсюда». Предсказание, конечно, сбылось, и когда обрадованный купец стал благодарить

¹ См., например, «Восхваления» 18, а.

² Там же, 5, b.

³ Там же, 24, d.

⁴ Там же, 8, a, b.

Бешта и удивляться его пророческому дару, тот ему сказал: «Неразумный, чему дивишься? Ведь известно, что при помощи первобытного света, созданного Богом в первые дни творения, человек мог видеть своим оком все, от одного конца мира до другого; вследствие грехопадения, Бог уменьшил этот свет на земле, но сохранил его во всей силе лишь для великих праведников — и где же он его сохранил? Разумеется, в святой торе. Вот почему, когда я раскрываю «Зогар», я вижу все, что делается в мире, и уж никогда не ошибусь»¹. Аналогичный случай рассказывается и в другом месте. В этом случае Бешт предсказал просителю все подробности положения, в котором находился искомый отсутствующий субъект, и, вдобавок, посредством чтения «Зогара», спас проезжего купца от лесных разбойников. И когда носитель, раньше не веривший в Бешта, упал к нему на шею, благодарил за великую услугу и всячески превозносил чудотворца, Бешт ему сказал: «Ты думаешь, что уже узнал меня совсем: нет, ты далеко еще меня не знаешь»². Одному раввину, которому Бешт также сделал по «Зогару» счастливое предсказание и который выразил свое удивление прозорливости Бешта, последний повторил свое вышеприведенное изречение о «первобытном свете» и с гордостью сказал: «Не только то, что в соседней местности делается, я теперь вижу, но даже то, что теперь происходит в Амстердаме, мне известно» — и тут же рассказал слушателям чудную историю из своих мысленных экскурсий в Амстердам³. Предание, однако, умалчивает о том, как проверили сообщение Бешта.

Один случай предсказания прославил имя Бешта по всей Польше и Литве, ибо дело касалось лиц, пользовавшихся громкою известностью. На Литве, в г. Слуцке, жили так называемые «державцы», т. е. генеральные арендаторы имени князя Радзивила. «То были — говорит Соломон Маймон — два брата, прибывшие из Галиции и в качестве генеральных арендаторов снявшие все имения князя Радзивила. Необыкновенной деятельностью и лучшей экономией, они не только привели прежде запущенные имения в лучшее положение, но и сами обогатились в самое короткое время. Они выплатили арендную плату, не обращая внимания на вопли своих некоторых собратьев, и взыскивали арендные деньги со второстепенных арендаторов с неумолимою строгостью. Подчиненные им арендные статьи они сами осматривали, и если находили арендатора, который, вместо того, чтобы прилежанием и экономией улучшить свою аренду, праздноствовал или лежал на печи, то приказывали снять его и нагайкой пробудить от летаргического сна. Такое обращение генеральных арендаторов, или державцев, приобрело им среди их единоверцев имя тиранов»⁴. Вот эти-то всемогущие литовские «державцы» прослышали о славе подольского чудотворца Бешта и о его чудесных предсказаниях. Случилось, что в это время один из «державцев» выстроил себе каменный дом в Слуцке, а жена его, по-видимому склонная к суеверию, боялась поселиться в новом доме, не испросив предварительно благословения Бешта, о котором она много наслышалась. И вот посылают в Подолию за Бештом и привозят его в хоромы богатого державца. Приняли его очень приветливо, но он заметил, что в то время, как жена безусловно верит в него, муж относится к нему с подозрением и всячески испытывает его. Вел он себя, однако, с большим достоинством, как подобает знаменитости, и в

¹ «Восхваления» 6, d. То же наречение повторяется в другом месте, 12, b.

² Ibid, 23, a-b.

³ Ibid, 12, b.

⁴ Автобиография, «Евр. Библ.» I, 190.

продолжение трех недель, проведенных им в доме державца, видел в своей приемной чуть ли не всех жителей Слуцка, любопытствовавших взглянуть на святого мужа. Когда настало время отъезда, жена державца спросила Бешта: «Долго ли суждено нам жить так счастливо, как теперь?» Бешт сначала наотрез отказался отвечать на ее вопрос и сказал, что о таких вещах не спрашивают, но женщина приставала к нему и умоляла дать прямой ответ. Тогда Бешт на минуту закрыл глаза и потом произнес: «Еще двадцать два года». Женщина очень смутилась, а муж, узнав о предсказании, разгневался на Бешта, который после того уехал. Предание прибавляет, что предсказание своевременно сбылось, и рассказывает целую историю о том, как державцы впоследствии впали в немилость у Радзивила, как бежали за границу, но на дороге были схвачены и заточены в тюрьму, к величайшей радости подчиненных им арендаторов, которые столь долго терпели от их тирании. Это было спустя ровно 22 года после посещения Бешта. В несчастьи державцы вспомнили о давнишнем предсказании Бешта и послали к нему с просьбой помочь им молитвою, но масса, враждебно настроенная к державцам, поросила Бешта не помогать этим «тиранам» — и Бешт, склонившись на сторону большинства, отказал послу в просьбе¹.

Много других чудес творил Бешт, и легендарное его жизнеописание, переполненное рассказами об этих чудесах, передало нам все-таки лишь незначительную часть того, что ходило в народе в устных преданиях. Кроме дара исцеления и предвещения, Бешт обладал будто бы и даром угадывания мыслей по чертам лица. Многим людям он говорил прямо об их тайных нравах, требуя от них покаяния и налагая на них эпитемии². Обладал он также великою каббалистическою тайною невидимки (רואה ואינו נראה), которая нередко приносила ему пользу. Так, например, один «пан» сильно ненавидел Бешта и грозил убить его ив револьвера, как только встретит; а между тем Бешт стоял однажды на дворе крепости и разговаривал с комиссаром, когда к последнему подошел этот пан; он продолжал стоять возле комиссара во все время его беседы с паном, который и не заметил Бешта. Узнав впоследствии, что Бешт обладает даром невидимки, пан испугался и будто бы сказал: «Ну, если он такой человек, то приходится с ним помириться»³. Подобно всем великим чудодеям, Бешт мог проезжать громаднейшие пространства в самое короткое время, так как в случае надобности «земля двигалась под ним быстрее» (קפיצת הדרך)⁴.

¹ Подробно см. «Восхвалениях» 29—30. В другой версии, более баснословной, этот рассказ повторяется в «עדת צדיקים», стр. 32—34 (Львов, 1865). Мы привели этот рассказ во-первых потому, что он очень вероятен и подтверждается показанием беспристрастного современника, а именно упомянутого уже выше автора рукописи, находящейся в бодлейанской библиотеке. Тут говорится: «И обращались к Бешту все желавшие знать свое будущее. По этому поводу слышал я от одного великого мудреца старика историю о том, как знаменитые богачи, называвшиеся «державцами» и имевшие сильное влияние, благодаря князю Радзивилу, желали однажды предузнать свой конец и послали за Бештом, а он предвещал им, что их величие будет продолжаться лишь 14 лет, — что и сбылось впоследствии» (Ср. Graetz, XI, 598). Между этим показанием и преданием разница лишь в одной мелкой цифре, но не в самом факте. Вторая причина, побудившая нас привести этот рассказ, заключается в его историческом колорите и характерности как для личности и степени популярности Бешта, так и для понятий того времени.

² «Восхваления», 33 d, 34 c—d.

³ Там же, 27 a.

⁴ Там же, 29 d, 34 d.

Чудесные видения Бешт имел очень часто — и не во сне, а наяву. К нему являлись для тайной беседы пророк Илия, Моисей, Исаак Лурья¹. Бешт утверждал, что учителем его по части тайной мудрости был ни кто иной, как пророк времен царя Соломона, Ахия Гашилони, тот самый, который предвещал грешному Иеровоаму власть над десятью коленами. Почему именно Бешт выбрал в учителя этого забытого, второстепенного пророка — трудно себе объяснить². Часто он слышал «гласы свыше», повелевавшие ему поступать так ил иначе и предвещавшие ему грядущее. Но надо заметить, что своим видениям и «гласам» сам Бешт нередко придавал аллегорическое значение, утверждая, что всякая внезапно озаряющая человека мысль есть «глас свыше», а всякая внезапная перемена в судьбе человека есть «откровение Илии», который часто воплощается в образе простого смертного и является праведным людям на помощь в минуты несчастья. Такое аллегорическое понимание видений и гласов сквозит во многих рассказах о Беште и в его изречениях, как мы это увидим ниже, при разборе его учения³.

Такова была деятельность Бешта в первое время после того, как он «открылся», приблизительно от 1735 до 1745 года. Но где именно жил Бешт в это время? Непосредственно перед его «открытием» мы его оставили в Тлусте, а затем он в качестве чудотворца стал разъезжать по разным городам». Район его деятельности был весьма обширный; чаще всего мы встречаем в Заславе, Немирове, Баре, Полонном, Тульчине, Каменке, Хмельнике, Белой Церкви, Шаргороде, т. е. преимущественно в Подолии и Волыни⁴. Должно быть, вследствие этих постоянных перекочевываний Бешта с места на место, нам в точности неизвестно его постоянное местопребывание в первое время его деятельности⁵. Но когда улучшившиеся обстоятельства дали ему возможность зажить более оседло, он поселился с семейством на постоянное жительство в одном городе, в котором провел последние — и самые деятельные — двадцать лет своей жизни. То был город Меджибож (ныне местечко Подольской губернии, Летичевского уезда), стоящий неподалеку от галицийской границы, всего в нескольких милях от Брод. Бешт поселился в этом городе, по-видимому, около 1740 г. и прожил в нем до самой смерти своей, в 1760 году. С этих пор имя «Меджибож» неразрывно связано с именем Бешта, который в XVIII веке был известен под именем как Израиля Баалшема, так и Израиля Меджибожского⁶. Меджибож становится для Бешта тем, чем был Сафет для Исаака Лурии; он становится центром, притягивающим к себе со всех стран массу просителей, поклонников и пилигримов, и вместе с тем центром тесного, хотя и не малочисленного, кружка сподвижников и учеников, которые окружали Бешта в последние 20—15 лет его жизни, а по смерти его сделались самыми ревностными апостолами почившего учителя, самыми

¹ Там же, 6 а, 19 а, 28 с, 35 а—b.

² Ученик и сподвижник Бешта Яков-Иосиф Коген, в своей книге **„תולדות יעקב יוסף“** говорит следующее: «Ахия Гашилони перенял мудрость у Моисея, а сам был учителем Илии пророка и Бешта». Ср. Лексикон **שם הנדולים החדש** часть I, 38 b. В «Восхвалениях» несколько раз глухо упоминается об этом учителе Бешта. Ср. например, 19 а, 7, с, 17 d, где Бешт называет его: «Мой известный учитель».

³ Ср. «Восхваления» 19 с **(הבע"ש שמע כר ז על ר' יוסף שימות)**, 18 а, 7 с.

⁴ Ibid., passim.

⁵ Родкинсон утверждает, будто Бешт жил во все это время в Тлусте, но так как он ничем не подтверждает своего предположения, то оно не имеет никакой научной ценности. См. **אור ישראל**, стр. 47.

⁶ Ср. «Nachricht von der Sekte Chassidim», Sulamit, 1-r Jahrg. 2-r Band, Dessau 1807, p. 308; Calmanson, Sur l'état des juifs en Pologne, 1796; Graetz, Gesch. XI, Noten, 598; там же, стр. 597, (из рукописи Д. Макова), и мн. др. источники.

энергическими распространителями его учения. Нам еще придется говорить об этом замечательном кружке, но пока мы должны еще вернуться к личной жизни Бешта и дополнить характеристику его деятельности в описываемый нами период (1735-1747 г.).

Готовясь к роли вероучителя, Бешт еще раньше в личной своей жизни держался тех принципов и правил, которые впоследствии проповедовал другим. А одним из главных его принципов было, что молитва (а не учение, как думали раввины) составляет сущность веры, высшее ее выражение, и что в молитве человек должен сосредоточить все свое религиозное чувство. Отсюда прямо вытекает вывод, что молитва должна быть всегда горячая, восторженная, должна совершаться при известной степени экзальтации

(תפלה בהתלהבות). И Бешт всегда следовал этому правилу: как только он начинал молиться, у него являлось восторженное настроение, часто доходившее до крайнего экстаза. Он молился, качаясь всем корпусом и моментами сильно вздрагивая; «вздрагивания», вызывавшиеся очевидно сильным нервным возбуждением, продолжались иногда очень долго и были так сильны, что все стоявшее во время молитвы — посуда, вода, мебель — дрожало, колебалось и издавало стук. При сильном возбуждении он иногда громко вскрикивал в молитве, иногда же наоборот стоял неподвижно, как статуя, глаза, сосредоточенно устремленные на один пункт, как бы окаменевали в своих орбитах, и только необыкновенный блеск их свидетельствовал о том, что молящийся еще жив¹. Последнее случалось, вероятно, тогда, когда вследствие сильного напряжения Бешт к концу молитвы впадал в крайнее изнеможение, в состояние полузабытья. Молился он не только усердно, но и очень долго, и часто, когда все в синагоги уже кончали молитву и расходились по домам, Бешт все еще стоял на своем месте и горячо молился. Однажды после такой продолжительной и конечно восторженной молитвы, шурин его, рабби Гершон, все еще сомневавшийся в святости «простака» Бешта, спросил его, почему же он молится так долго и с такими странными телодвижениями. И Бешт отвечал ему, что когда он доходит до того места молитвы, где говорится: «Благословен еси ты, Боже, воскрешающий мертвых», — к нему, Бешту, слетаются тысячи и десятки тысяч грешных душ умерших людей, и каждая душа просит помолиться за нее и тем спасти от адских мук; и так как ему, Бешту, приходится беседовать с каждой душой, то у него молитва очень долго продолжается и продолжалась бы до бесконечности, если бы глас свыше не выкрикивал каждый раз в известный момент, что аудиенция кончена². Бешт, по-видимому, молился по тому видоизмененному тексту, который введен в употребление Исааком Лурием («сефардский текст») и в так называемом «Лурианском молитвеннике» сопровождается массою каббалистических объяснений и особенных «соображений» **(כוונות)**, долженствующих быть в мыслях молящегося неразлучными со словами молитвы³.

Проповедь Бешта отличалась, по-видимому, такой же восторженностью, как и его молитва. В его биографии рассказывается, что сначала он долгое время не мог говорить толком с людьми, вследствие сильной и постоянной сосредоточенности на мыслях о Божестве, но впоследствии будто бы научился говорить толково, не нарушая этим своего

¹ Таким видели Бешта многие приближенные. «Восхваления», 7 а—b.

² Там же, 8, b.

³ Ibid, 8, b, 29, c.

экстаза¹. Во всяком случае экстаз был существенною чертою его проповеди. Проповедовал же он всегда и везде, имея для этого установленное время. Живя дома, в Меджибоже, он каждую субботу, во время «третьей трапезы», говорил проповеди в тесном кругу приближенных, а разъезжая по городам проповедовал в то же время перед многочисленною публикою². Проповеди его были, по-видимому, чужды и сухой казуистики раввинов, (в которой, кстати сказать, Бешт мало смыслил), и резкой обличительности записных проповедников («магидим»), постоянно взывавших к покаянию и запугивавших народ изображением страшных адских мук, претерпеваемых грешниками в загробной жизни. Бешт говорил со своими слушателями, как учитель; он в восторженных выражениях объяснял им сущность веры, значение молитвы, говорил о проявлении Божества в природе и человеке, о применении нравственного принципа к разным случаям обыденной жизни, — словом он давал слушателям принципы, внушал идеи, он поучал. Говорил он очень увлекательно, но отнюдь не высокопарно, и любил пересыпать свою речь разными интересными анекдотами, которым всегда придавал большое воспитательное значение³. Проповедовал он обыкновенно на текст из Агады, Мидраша, Зоги, а нередко и так, без всяких текстов, одними только притчами и краткими изречениями.

Слава чудотворца издавна привлекала к Бешту многих поклонников, которые жили около него подолгу в Меджибоже; теперь учительская проповедь его сплотила их в тесный кружок учеников, которые с благоговением слушали его слова и поучения, сохраняя их в памяти или записывая на бумаге. Сам Бешт, по-видимому, не желал, чтобы его поучения записывались, а предпочитал, чтобы они устно передавались⁴. Нечего говорить, что, при устной передаче, слова Бешта комментировались на все лады, а впоследствии вместе с этими комментариями записывались — и уже в таком виде дошли до нас в произведениях его многочисленных учеников. Собранные таким образом, они представили собою целую религиозную систему, которая и легла в основание всех произведений его учеников, всей хасидской литературы.

Теперь возникает вопрос: какие именно религиозные начала развивал Бешт, о каких новых принципах проповедовал? Что именно привлекло к нему массу учеников и сделало его не только главою тесного круга теоретиков, но основателем вероучения, исповедуемого слишком двумя миллионами человек? Для того, чтобы отвечать на эти вопросы, нам придется сделать значительное отступление от жизнеописания Бешта и предварительно представить систему его религиозных воззрений, того, что смело можно назвать «учением Бешта».

С. Дубнов.

(Продолжение следует).

¹ Ibid. 17, d.

² Ibid., 34 c: «Однажды Бешт сидел, углубленный в мысли, и не говорил обычной проповеди во время третьей субботней трапезы, что учеников крайне удивило»; 8, а-о проповеди в Балте и passim.

³ Ibid., passim.

⁴ Ibid., 25, a.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХАСИДИЗМА.

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЗРАИЛЯ БЕШТА.

V¹.

Учение Бешта.

Сордал ли Бешт религиозную систему? — Доказательства подлинности дошедших от Бешта изречений. — Как дошли до нас эти изречения? — Источники для учения Бешта. — Основные начала: абсолютное всебожие, взаимодействие низшего и высшего миров. — Общение с Богом. — Оптимизм. — Отрицание аскетизма. — Протест против обрядовой мелочности и мертвой талмудической учености. — Молитва, как вид единения с Богом; восторженность, физические возбуждения. — Ясновидение, пророчество, гласы свыше. — Роль цадика. — Резюме. — Историческое значение Бештова учения.

Можно ли говорить об «учении Бешта», как о чем-то определенном, выработанном, систематическом? Дал ли нам сам Бешт определенную систему своих религиозных взглядов и нововведений? На первый из этих вопросов мы вправе отвечать: да, на второй приходится отвечать: нет. С первого взгляда может казаться, что отрицательный ответ на второй из этих вопросов необходимо уже влечет за собою отрицательное решение и первого; а между тем более внимательное рассмотрение имеющихся данных приводит нас к заключению, что мы вправе говорить о «религиозной системе» Бешта, не смотря на то, что основатель хасидизма не оставил после себя никакого писанного систематического труда, который ясно формулировал бы все его вероучение. Объяснимся.

Как по своей личной жизни, так и по способу распространения своего учения, Бешт вполне разделяете судьбу древних вероучителей и основателей сект. И биография, и учение этого человека сначала сделались предметом устных преданий, и уж впоследствии, при его преемниках, перешли в печатные сочинения. Как ни смело такое сравнение, но Бешта можно назвать творцом религиозной системы в таком же смысле, в каком мы признаем творцами новых вероучений Христа и Магомета. Подобно последним, Бешт распространял свое учение устно, развивая свои воззрения то в тесном кружке учеников, то в публичных проповедях в синагоге, то в простых частных беседах с людьми различных классов. Основатель хасидизма, по-видимому, не особенно владел пером, и был более способен к устной речи, нежели к письменной. Для систематического письменного изложения своих мыслей он не имел ни надлежащих способностей, ни внешних литературных средств. Этому препятствовал и самый характер его мыслей — субъективный, восторженный, мистический, как бы сверхумственный. Такого рода мысли весьма трудно поддаются письменному изложению, в котором они необходимо теряют большую часть своей силы, а гораздо удобнее передаются в устной речи, где жест, взгляд,

¹ См. «Восход», кн. VII.

интонация — приходят на помощь бессильному, бедному слову. Даже в устной своей речи Бешт, вследствие недостатка выражений, бывал часто краток, отрывочен, говорил намеками, словом, — развивал свои мысли не вполне, и только сущность их внушал своим ученикам. Он и сам признавался в этом. По свидетельству учеников, Бешт часто говаривал: «Все, что я сам внес нового в область религии, или что заимствовал от других — все это хранится глубоко в моем сердце и ведомо лишь одному Богу; все же то, что я проповедовал людям, составляет только ничтожный остаток, невольно вылившийся из вместилища моего духа, как выливается малая часть воды из сосуда, наполненного через край»¹. Это — очень характерное выражение. Бешт, действительно, всегда говорил от избытка чувств и мыслей, и от избытка же их не мог говорить систематически, формулировать ясно, *more geometrico*. Он был из тех людей, у которых мысль сильнее, интенсивнее слова, которых лексикон слишком беден для выражения их понятий; такие люди обыкновенно, при высокой искренности убеждения, считают профанацией излагать свои мысли письменно, ибо боятся ослабить, обесцветить эти заветные мысли несоответствующими выражениями. По этой же причине и Бешт не записывала своих мыслей, и не только сам не записывал, но даже выражал неудовольствие, когда другие их записывали, как о том передает его биограф².

И тем не менее мы вправе говорить об учении Бешта, как о чем-то определенном, вправе признать большую часть того, что дошло до нас от его имени в произведениях его учеников, за верное выражение его мнений. Почему? Потому, что Бешт имел не одного ученика, который мог бы переделывать его мнения по своему вкусу, а целый кружок учеников, которые с одинаковым вниманием слушали его слова и изречения и благоговейно хранили их в своей памяти, как божественные откровения. Многие из этих учеников, спустя всего двадцать — тридцать лет после смерти Бешта, стали помещать в своих произведениях целый ряд «изречений» своего покойного учителя, причем различные авторы приводили одни и те же мысли почти в одних и тех же выражениях. Эти разбросанные в различных книгах мысли и изречения были около того же времени собраны и помещены в двух главных сборниках, из которых первый вышел в свет всего через 24 года, а второй — спустя 80 лет после смерти Бешта. (Подробные библиографические сведения об этих сборниках, равно как об источниках, из коих содержание сборников почерпнуто, мы сообщим несколько ниже).

Итак, в пользу того, что все дошедшее до нас под именем Бешта бесспорно принадлежит ему, свидетельствуют следующие факты: 1) то, что многие и самые важные изречения Бешта приводятся в сочинениях его различных учеников и почти в одинаковых выражениях; 2) то, что изречения эти были обнародованы спустя очень короткое время после смерти Бешта, вследствие чего они могли вполне сохраниться в памяти его учеников, — и наконец, 3) то, что они были собраны и изданы под именем Бешта некоторыми его непосредственными учениками и на глазах многих других его

¹ См. замечательную книгу Цвейфеля: **שלום על ישראל** ч. 1, стр. 50, где эти слова приведены из одной известной хасидской книги.

² «Восхваления Бешта», 25 а. Тут рассказывается, как Бешт, узнав, что один из его слушателей записывает его проповеди, с недовольством обличил непрошенного записывателя в искажении его мнений. Ср. также назв. соч. Цвейфеля, стр. 49.

непосредственных учеников, которые могли контролировать друг друга в деле правильной передачи священных для них слов почившего учителя. Все это, полагаем, весьма веские доказательства в пользу мнения о несомненной подлинности дошедших до нас изречений Бешта. И мы на основании этих общих данных, а также тех подробностей, которые сейчас будут приведены, с уверенностью можем утверждать, что не только дух Бештова учения, сущность его мирозерцания вполне сохранились в этих изречениях, но что даже в значительной степени сохранилась и форма, и способ выражения. Последнее доказывается уже тем, что важнейшие изречения Бешта приводятся у различных его учеников в весьма сходных выражениях, отличающихся особенно оригинальностью и довольно характерных по стилю.

Конечно, могут поставить и другой вопрос: достаточны ли дошедшие от Бешта изречения и отрывочные мысли для постройки целой религиозной системы, определенного вероучения? Этот вопрос будет разрешен на деле ниже, когда мы будем излагать учение Бешта на основании собственных его слов. И если вам удастся изобразить вполне его вероучение, не будучи нигде голословным, а во всем ссылаясь на подлинные его выражения, то этот вопрос будет уже сам собою разрешен в положительном смысле. Прежде, однако, чем изложить учение Бешта, мы должны сделать ближайший критический обзор тех книг, в коих рассеяны его мысли и изречения и о которых мы сейчас упомянули лишь вскользь, не называя имен. Точнее: мы должны ближе рассмотреть, как дошли до нас материалы для учения Бешта.

Выше было сказано, что Бешт не излагал письменно своих воззрений и не оставил после себя никаких книг. Это, конечно, не значит, чтобы от Бешта не дошло до нас ровно никаких письменных документов. Сохранилось несколько писем, несомненно писанных рукою Бешта и имеющих довольно важное значение для определения личности и учения основателя хасидизма. Одно из этих писем, почитаемое хасидами как пророческое откровение Бешта, относится к 1747 году и обнародовано лет 36 спустя¹. Как это, так и прочие письма будут нами приведены в своем месте.

Личному авторству Бешта приписывают еще одну маленькую книжечку, появившуюся лишь в начале настоящего века и заключающую в себе комментарий на 107-ю главу псалмов Давидовых². Но то обстоятельство, что книжка эта появилась в свет только спустя долгое время по смерти Бешта, в связи с тем, что о ней почти нигде не упоминается в наиболее авторитетных книгах хасидов, — все это порождает сомнение в принадлежности книжки перу самого Бешта. Впрочем, книжка эта заключает в себе весьма мало существенного для характеристики воззрений Бешта и мало чем отличается от многих других каббалистических комментариев.

Но, как мы уже говорили, не собственному перу, а перу своих учеников Бешт обязан распространением своего учения через печатное слово. Одним из самых ревностных его учеников и сподвижников в продолжение долгого времени был Яков-Иосиф Коген,

¹ Впервые помещено в сочинении Якова-Иосифа Когена **בן סורת יוסף**, напечатанном около 1780 года, а затем перепечатано в сборниках наречений Бешта и во многих других хасидских книгах.

² **פירוש על מזמור ק"ז בתהלים**, напечатан сначала в 1803 г. в Житомире, в виде приложения к книге **הנהגות ישראל**.

занимавший должность раввина в городах Рашкове, Шаргороде, Немирове, а под конец жизни — в Полонном. Этот влиятельный раввин, по-видимому, раньше всех оценил стремления Бешта, раньше всех примкнул к нему и остался навсегда самым ревностным пропагандистом его учения. В противоположность своему учителю, он не подвизался на поприще проповедника, но, обладая бойким литературным пером, все свои мысли излагал письменно и распространял через печатные книги¹. Весьма вероятно, что еще при жизни Бешта он записывал многое слышанное им от своего учителя. Во всяком случае, он так проникся воззрениями Бешта, что мог вполне играть роль его литературного толмача, И он действительно ревностно выполнял эту роль. В 1780 году, т. е. спустя 20 лет после смерти Бешта, он выпустил в свет свой первый большой труд, в котором, в форм комментария к пятикнижию Моисееву, подробно развил различные стороны учений Бешта и поместил много кратких изречений и мыслей последнего в том виде, как он их слышал от него лично или от своих сотоварищей². Эти изречения весьма легко отыскать в тексте, ибо им обыкновенно предшествует стереотипная фраза: «И слышал я от учителя моего», или: «Слышал я от имени учителя моего». Книга Когена сейчас по своему появлению вызвала целую бурю в лагере правоверных раввинов, которые не без основания усмотрели в ней свод главнейших принципов «еретического» учения хасидов. Книгу публично сожгли в 1781 г., по распоряжению некоторых раввинов-ревнителей, — но это не остановило ни ее успеха в публике, ни деятельности ее автора. Последний продолжал писать и печатать — и в 1781—82 г. вышли в свет под его именем еще два крупных сочинения, заключавших в себе разные толкования на Каббалу, Талмуд и Мидраш в духе Бештова учения и в связи со многими собственными изречениями основателя хасидизма³. Во глав одной из этих книг напечатано знаменитое пророческое послание Бешта к своему шурину, бродскому раввину.

Как известно и как читатели подробно узнают из дальнейшего изложения, автор всех этих произведений, Яков-Иосиф Коген, не удостоился места главного преемника Бешта по смерти последнего, а служил лишь первым литературным пропагатором хасидского учения. Преемником Бешта и главой всей хасидской секты сделался в 1760 г. другой товарищ Когена, известный Бер Межеричский или «Проповедник из Межерича», который удерживал за собою этот сан до своей смерти, в 1773 г. Замечательное сочинение этого человека, представляющее собою компендиум основных начал хасидизма, вышло одновременно с сочинениями Когена, около 1780 г., и также содержат в себе немало изречений самого Бешта⁴. Подобно сочинениям Когена, и эта книга приобрела себе тотчас

¹ Более подробные биографические сведения об этом человеке читатели найдут в следующей части нашего труда, в которой мы будем говорить о жизни и деятельности главнейших учеников Бешта.

² Книга **תולדות יעקב יוסף** раввина Я. И. Когена напечатана в Меджибоже, местопребывании Бешта, в 1780 г. и вслед за тем выдержала множество изданий; новейшее из них — варшавское, Мунка, 1881 г., в пяти частях, лежит теперь перед нами.

³ **צפנת פענח** в Кореце, в 1782 г. и **בן סורת יוסף** во Львове, без обозначения года, но по-видимому около того же времени.

⁴ Оно известно под двумя заглавиями: **מניר דבדיו ליעקב** и **לקוטי אמרים**. Первое издание вышло в Кореце, без обозначения года; второе издание с дополнениями напечатано там же в 1784 г., из чего видно, что первое издание появилось около 1780 г. Перед нами лежит третье издание, вышедшее (во Львове или в Жолкиеве) в 1797 году.

по своем появлении необыкновенную популярность и причислена была к лику священных книг хасидов.

Нечего говорить, что большею частью своего успеха сочинения Когена и Проповедника были обязаны приводимым в них изречениям самого Бешта. Но так как в этих книгах «изречения» были разбросаны на разных страницах, нередко перепутанные с комментариями и замечаниями авторов, то, при все более возраставшем благоговении перед памятью Бешта, в публике появился спрос на отдельное издание изречений Бешта. Удовлетворить этому спросу вызвался оптский раввин Арон Коген, который из названных сочинений выбрал все, что помещено было под именем Бешта, и все выбранные отрывки напечатал в 1784 г., в Жолкиеве, в книге, носящей заглавие «Венец доброго имени». Лет десять спустя, когда появились новые сочинения учеников Бешта и в них новые изречения последнего, тот же автор собрал их и напечатал в виде второй, дополнительной части сборника «Венец доброго имени»¹. Обе эти части напечатаны с одобрения трех важнейших учеников Бешта — Менделя Лисского, Соломона Карлинского и Аврам-Моши Пшеверского, апробация коих помещена во главе сборника. Текст книги начинается упомянутым выше пророческим посланием Бешта, за ним идет каббалистическое объяснение «Миквы» (обряда омовения), приписываемое Бешту, а затем уже — ряд изречений последнего, в форме небольших отрывков.

Около того же времени появилась в печати небольшая книжка под следующим громким заглавием: «Завещание Рабби Израиля Баалшема, найденное в бумагах его ученика, святого мужа Исаи, раввина г. Янова, и заключающее в себе советы о добром поведении, правила учения, молитвы и нравственности, слышанные из уст божественного мужа Израиля Бешта, с присовокуплением правил поведения, предписанных святым мужем Бером из Межерича»². Первые слова заглавия могут ввести в заблуждение, заставляя думать, будто книга заключает в себе подлинное завещание, писанное рукою Бешта, каковым действительно ее и признавали долгое время в лагере хасидов и их противников³. Но стоит внимательно прочесть вторую половину подробного заглавия, чтобы убедиться, что сам составитель этой книги не приписывал ее непосредственно Бешту, а слово «Завещание» употребил в переносном смысле, в смысле собрания изречений и мыслей, устно завещанных Бештом своим ученикам в качестве основных начал хасидского учения. Что изречения эти записаны верно, по крайней мере, без изменения смысла — в этом мы не имеем права сомневаться, во-первых, потому что они

¹ **כתר שם טוב**: Слова и изречения великого святого Израиля Бешта, выбранные из сочинений его святого ученика Якова-Иосифа Когена, а также из книги Бера Межеричера и других священных книг. Часть 1-я, Жолкиев, 1784; часть 2-я, там же, 1795. Мы пользуемся славутским изданием, в коем не имеется ни обозначения года, ни нумерации страниц (всех страниц в обеих частях 56, in 4°, по два столбца в каждой).

² **צוואת הריב"ש**, Жолкиев, s. a., и вторично в 1793 г. (Ср. Лексикон Бен-Якоба s. v.). Перед нами лежит издание новейшее, напечатанное во Львове, в 1862 г. Объем книжки небольшой — всего 24 стр. in 12°.

³ Ср. Israel Loebel's Glaubwürdige Nachricht von der in Polen und Lithauen befindlichen Secte «Chassidim genannt», в периодическом сборнике «Sulamit» за 1807 г., стр. 310 и сл. Тут автор, прославившийся неутомимой борьбой против хасидов в конце прошлого века, прямо заявляет, что «Завещание» принадлежит самому Бешту и принято у хасидов, как главный кодекс (Gesetzbuch) их учения.

дошли до нас через одного из непосредственных учеников Бешта; во-вторых, потому что мы имеем об этом свидетельство одного весьма авторитетного цадика-современника, известного Залмана Шнеерсона, который в своем «Священном послании» говорит: «Книга, носящая заглавие «Завещание Бешта», не есть в буквальном смысле завещание великого учителя, но составляет собрание его возвышенных изречений, собиравшихся постепенно и выраженных не всегда с точностью языка, но сохранивших в точности весь свой первоначальный смысл»¹. Будучи весьма надежным источником, «Завещание Бешта» является в то же время и самым важным, необходимым источником для определения миросозерцания основателя хасидизма. Содержание книги охватывает собою самые существенные стороны Бештова учения; да и изложена она далеко не так отрывочно, как сборник «Венец доброго имени»: в ней видна некоторая последовательность, некоторое подобие системы. Догматы хасидизма изложены тут прямо и подчас поразительно ясно, а не в виде аллегорических толкований на тот или другой стих св. Писания, как в «Венце»².

И так, мы имеем два сборника изречений Бешта: «Венец доброго имени» и «Завещание». Оба они составляют главный материал для изложения его религиозных доктрин. Существуют, однако, и некоторые другие второстепенные источники. Различные изречения Бешта, разбросанные в сочинениях некоторых других его учеников и преемников, не вошли в названные сборники, и их приходится отыскивать там, где они были первоначально помещены³.

¹ См. **תניא** „אגרת הקדש“ приложение к известному сочинению Залмана Шнеерсона, стр. 15, в., Львов. изд. 1864 г. См. также **אבן אסל** „אבן אסל“ Д. Когана, стр. 502, прим. 6 (в «Гашахаре» 1874 г.).

² В 1792 г. вышел во Львове один том под заглавием: **לקושים יקרים** – собрание изречений, нравоучений и толкований, слышанных от великих мира сего: Бешта, Бера Межерича, Менделя Перемысльского и Михеля Ямпольского. Книга эта пользовалась большим авторитетом в хасидском мире, но как сборник изречений не одного Бешта, она могла служить нам материалом в настоящей главе лишь отчасти. Вдобавок, большая часть приведенных в ней изречений составляет почти буквальное повторение многих мест «Завещания», откуда, по-видимому, заимствованы.

³ Например, в сочинениях Бештова внука: **דגל מחנה אפרים** (Корец, 1810), р. Вольфа Житомирского **אור המאיר** (Корец, 1798), р. Нохума Чернобыльского **מאור עינים** (Славута, 1798), Израиля Козеницкого и нек. других. Справки во всех этих сочинениях значительно облегчаются краткою энциклопедией хасидских доктрин, озаглавленной «Путь благочестивых» **דרך חסידים** и напечатанной в Львове в 1876 г. (компактный том в 304 стр. in-8°), да еще многочисленными выдержками из хасидской литературы, помещенными в первом томе сочинения Цвейфеля **שלום על ישראל** (Житомир, 1868).

Это же сочинение Цвейфеля, заключающее в себе равностороннее обсуждение хасидского миросозерцания (особенно в первых двух томах), а также не раз нами упомянутая книга Бодека:

סדר הדרות החדש лужили для нас весьма важными вспомогательными источниками при оценке Бештова учения, при чем мы, конечно, руководились только фактическими их сообщениями, а не субъективными теоретическими воззрениями, которые не всегда разделяем.

Определив характер данных, служащих материалом для учения Бешта, и убедившись в их подлинности и достоверности, попытаемся теперь на основании этих данных изложить главные начала Бештова вероучения, по возможности, в систематическом порядке.

Выше, во «Введении» к нашей истории, мы уже говорили о родословной хасидизма и установили факт тесного родства хасидского учения с учениями теоретической и практической каббалы. В чем же именно состоит это родство, в каких существенных чертах выражается историческая преемственность названных учений?

Два великих принципа лежат в основании хасидизма — и один из них взят из теоретической каббалы, а другой — из каббалы практической.

Первый из этих принципов, составляющий важнейшее начало теоретической каббалы, определяет характер миротворения и мироуправления. Он гласит, что мир образовался, истек из Божества, посредством самоограничения последнего. Божество или Бесконечное, прежде наполнявшее собою все, сжалось в известном центре, сосредоточилось, и в образовавшейся вследствие этого пустоте создало из себя же весь мир, как паук тклет из себя паутину. Бешт развивает это начало «эманации» во многих своих изречениях. «Деятельное творческое начало, — говорит он, — всегда скрыто в деянии, в творении. Мир во всем своем разнообразии создан как бы из самого Бога и вместе с тем не отделим от Него, подобно тому как складка в платье сделана из самого платья и в нем остается. Мир — из Бога и в Боге (מִיִּנְהוּ וּבִיהוּ)»¹.

От имени Бешта дошла до нас замечательная притча, ясно определяющая этот великий пантеистический принцип. Вот что гласит притча. Некий могущественный царь построил громаднейший дворец, с бесчисленным множеством комнат, расположенных так, что одна находилась внутри другой, по форме концентрических квадратов; сообщались между собою комнаты дверьми, которые находились в одном продольном направлении и проходились одна против другой, так что через них, когда они были открыты, можно было видеть все убранство комнат внутри. Царь обыкновенно сидел в самом отдаленном, внутреннем покое, далеко от зрителей. Когда постройка этого волшебного дворца была окончена, царь созвал всех своих вельмож и приближенных для осмотра чудного здания. Но как только они собрались и остановились в первых наружных дверях, закрылись все двери, все входы и выходы дворца — и гости увидели пред собою лишь ряд стен, за которыми ничего не видать было. И стояли они долго, дивясь сему странному зрелищу. Тогда вышел к ним сын царский и сказал: «Разве вы не знаете, что мой отец — величайший из мудрецов и обладает всевозможными искусствами и волшебствами? Так знайте же, что никакого дворца тут нет, а все это — лишь обман зрения, мираж. Перед вами — открытое со всех сторон место, незастроенное и незагороженное; перед вами же и отец мой, великий царь, которого вы не видите только потому, что вы очарованы его волшебством, а ваши глаза покрыты как бы пеленою. И такова уж ваша доля — видеть разные дворцы, стены, картины, вещи там, где нет никого и ничего, кроме самого царя. — Таков и видимый мир. Все, что мы видим, есть сплошной мираж, один только оптический

¹ См. «Венец доброго вмени», стр. 14 а; ср. также «Завещание Бешта» стр. 20 и в обоих книгах *passim*.

обман. Вне и кроме Бога нет ничего; вся видимая материя — только одна из Его проявлений; это Его волшебная одежда, через которую мы его постигаем, но которая на самом деле не существует»¹. Смысл приведенной нами притчи — очень глубок и захватывает область идей, над которыми ломали головы величайшие философы и метафизики от Парменида и Платона до Альгаццали, Спинозы, Берклея и Канта. Абсолютное и Кажущееся, идеи и формы, субстрат вещей, нумены и феномены — все это лишь различные способы выражения одного и того же исконного великого вопроса... Каббала по своему разрешала этот вопрос — и ее пантеистический принцип как нельзя ярче изображен в удивительной притчи Бешта.

Из этого принципа само собою вытекает понятие об абсолютном всебожии, о том, что можно назвать «религиозным пантеизмом», в отличие от пантеизма философского. Последний отождествляет Бога с непознаваемой сущностью, подкладкой (субстратом) всех видимых вещей, с так называемыми нуменами, но таким образом обезличивает Его, делая из Него более пассивное нежели творческое начало. Не так поступает пантеизм религиозный. Он не делает различия между феноменами и нуменами, между познаваемым и непознаваемым: он все выводит из личности Бога, из Его творческой силы и воли, и таким образом все ясно познает; он видит Бога во всем, в великом в малом, в вещах, мыслях, поступках и событиях. Пантеист-философ приводит к Богу тот остаток видимого мира, который недоступен человеческому познанию; религиозный пантеист весь видимый и невидимый мир выводит из личности Бога. Первый говорит: Бог есть все, т. е. ничто, называемое Богом есть все, что недоступно нашему познанию, все, что имеет действительное, а не кажущееся только бытие, все внечувственное, абсолютное; второй говорит: Все есть Бог, все существующее, и доступное и недоступное непосредственному чувству, и не Бог познается через вещи, а вещи через Бога, которому все существующее служит как бы одеянием или жилищем **(לבוש מחיצה)**. И таким образом все — ясно, очевидно, познаваемо и объяснимо.

Такое воззрение, как уже сказано, необходимо вытекает из каббалистического начала эманации. Действительно, раз до сотворенья мира Бог собою наполнял все пространство, то почему ж бы Ему теперь не наполнять все вещи, Им же из себя созданные? Это-то начало абсолютного всебожия Бешт сделал краеугольным камнем своего учения и довел его до крайних последствий. Библейский стих: «Вся земля исполнена славы Божией» (Исая VI, **מלא כל הארץ כבודו**) он понимал и толковал в смысле, что вся земля полна Богом. Этот стих и часто повторяемое в каббалистических сочинениях выражение: «нет места свободного от присутствия Божия» **(לית אתר פנוי מניה)** служили ему постоянными девизами. Бешт учил, что Бог in concreto присутствует во всем, даже в самых ничтожных вещах и мимолетных человеческих помыслах, что Его вмешательство в человеческие дела и события — непрерывное, абсолютное. «Всякий, — говорит он, — должен быть убежден, что все сущее в мире полно Творцом, и все совершаемое по затеям человеческим, не исключая самых ничтожных событий, есть в сущности мысль Божия»². «Человк должен постоянно думать о том, что Бог везде и всегда с ним, что Он есть как бы

¹ Ср. назв. соч. Цвейфеля, стр. 54—55.

² «Завещание», стр. 10.

тончайшая материя, разлитая повсюду, и что Он — властелин всего, совершающегося в мире»¹. «Пусть человек знает, что, когда он смотрит на материальные вещи, он в сущности всматривается в лик Господа, в вещах присутствующего, и, имея сие в помыслах, человек постоянно, даже в мелочах, может служить Богу»². Ниже мы увидим, до каких практических последствий Бешт довел этот основной принцип всебожия, а пока перейдем к другому исходному пункту Бештова учения, к другому основному принципу, на котором зиждется вся остальная часть этого учения.

Этот второй исходный пункт взят Бештом из практической каббалы. Главный догмат практической каббалы состоит в следующем: между высшим и низшим миром, между миром Бога и вечных духов и миром людей существует постоянная и тесная связь, постоянное взаимодействие, так что не только Божество влияет на человеческие дела, но человеческие поступки всегда влияют обратно на личность Божества и на весь механизм небесного царства. Между землею и небом протянуты как бы невидимые струны, и каждый удар по струнам сразу вызывает соответствующее колебание вверху, сумма ударов вызывает сумму колебаний — гармонических или дисгармонических, приятных или неприятных, смотря по свойству и сочетанию ударов. Вы действуете в одном пункте земли на телеграфном аппарате, ваши действия и движения передаются по проволоке в другой отдаленнейший угол земли, и там перо непроизвольно пишет некоторые знаки, выражающие мысль действующего. Такого же рода и взаимодействие низших и высших миров. Наши движения, поступки и слова вызывают соответственные изменения в личности Божества, т. е. во всем строе вселенной, ибо Бог наполняет собою все; отголоски наших деяний раздаются по всему беспредельному пространству мира. Добродетельные поступки людей и деяния нравственные, богоугодные, вызывают в Божестве прилив жизненных, благодатных сил; поступки же дурные, возмутительные, наоборот, производят отлив сил в Божестве, нарушают гармонию и как бы портят мировой механизм. И не только поступки, но и слова и даже мысли людей отражаются в высших мирах. Силою слова человек может произвести целые перевороты в небесных сферах. Молитва является самым могущественным орудием влияния человека на Божество и через Него на весь мир. Но для того, чтобы молитва оказывала такое влияние, необходимо, чтобы она была непосредственным излиянием души, восторженным порывом к небу, слиянием человеческой души с мировым духом — с Богом. И в этом — сущность веры и задача религиозного человека.

Тем, которые сомневались в этом загадочном влиянии человеческих действий на Божество и считали такое понятие даже несколько богохульным, Бешт отвечает следующей простою, но выразительною притчею. Однажды — говорит он — стояли музыканты и играли на своих инструментах, сопровождая игру пением. Под их музыкой, в такт ее звукам и аккордам, танцевала, маршировала и двигалась масса людей. Один глухой от рождения смотрел на все это зрелище и очень дивился. Он спрашивал себя: что это значит? Неужели потому только, что те люди проделывают со своими инструментами разные штуки, наклоняют их то туда, то сюда, поднимают, опускают и тому подобное, вся эта толпа людей дурачится, прыгает, производит разные странные телодвижения и вообще приходит в такой азарт? Для глухого человека — прибавляет Бешт — все это зрелище

¹ Ibid. стр. 20.

² Ibidem.

было неразрешимым вопросом, потому что ему не доставало слуха, и вследствие этого ему было непостижимо то восторженное, двигающее чувство, которое возбуждается в нормальном человеке звуками музыки. Так и люди-маловеры, глухие к истине, отказываются понять, как это в высшем мире все приходит в движение от тех или других деяний, совершаемых людьми на земле; а между тем все это весьма просто, и для имеющих уши мысль о влиянии слов и действий человека на настроение Божества так же ясны и понятны, как факт влияния музыки на настроение людей¹...

Эту идею о влиянии человека на высший мир и прямо вытекающие из нее следствия Бешт также положил в основание своей религиозной системы, наряду с идеей всебожия. На этих двух идеях зиждется все здание его вероучения и морали, весь кодекс человеческой жизни. И необходимо заметить, что если фундамент своего учения Бешт заимствовал у прежних каббалистов, то вся надстройка и архитектура здания принадлежит преимущественно ему самому и отличается многими новыми, весьма оригинальными чертами.

Самая главная задача истинно религиозного человека заключается, по Бешту, в постоянном общении с Богом (דְּבִירָה). Человек должен прилепиться к Богу всей душою, жить с Ним, связывать все свои действия и помыслы с Ним, чувствовать себя всегда в Его присутствии. Все свои чувства и ощущения он должен сводить к их первоначальному источнику, к Богу — и тогда все эти чувства возвышенны, чисты, безгреховны. Общение с Богом освобождает человека от грубой коры материальности, покрывающей его душу, и дает ему возможность смотреть на все земное с высоты небес, где господствует абсолютная истина. «Раз человек постигнет, — говорит Бешт, — что все в мире имеет реальное бытие только от Бога и в Боге, то он легко сообразит, что вместо того, чтобы увлекаться разными земными страстями, гораздо лучше соединиться с источником и Творцом этих страстей, по мановению которого все возникает и исчезает. Ведь лучше опереться на ствол, нежели на ветку»². «Ты, например, смотришь на красивую женщину и наслаждаешься ее красотой, но подумай же, откуда к ней пришла такая красота: ведь если бы она была мертвая, этой красоты не было бы в ней; следовательно, красота ее лица зависит от божественной жизненной силы, разлитой в ее теле и придающей лицу румянец и нежное выражение. Стало быть, корень красоты в силе Божией; но в таком случае сообрази: зачем мне увлекаться отпрыском и частью, когда я могу прилепиться к самому корню, к целому, к источнику и высшему совершенству красоты... То же самое если ты видишь какой-нибудь предмет, устрашающий тебя, ты должен подумать: чего же мне бояться? Ведь человек, внушающий мне страх, такая же тварь как я; зверь, устрашающий меня, еще более низкая тварь, чем я; стало быть, не они внушают мне страх, а сила Божия, скрытая в них. А в таком случае мне нужно бояться не их, а Бога самого»³.

Такое возвышенное настроение доставляет человеку истинное блаженство. Оно возвышает и облагораживает в его глазах все, даже самое мелочное, ничтожное; оно дает ему спокойный и ровный взгляд на все явления жизни. Оно внушает человеку

¹ См. Цвейфеля, назв. соч., стр. 54.

² «Завешание», стр. 10.

³ Ibid, стр. 12.

своеобразный оптимизм, который Бешт считает обаятельным для глубоко верующих людей. Он даже отвергает существование абсолютного зла — и так просто разрешает вопрос, затруднявший столь многих богословов. «Нет безусловного зла, — говорит он, — ибо зло есть также добро, только оно — низшая степень совершенного добра (как, например, холод — низшая степень тепла etc). Добро или зло (т. е. различные степени добра) — не в Боге, а в человеческих поступках»¹. «Когда зло причиняет добро, оно служит последнему как бы фундаментом и таким образом само становится добром»². Для достижения истинно религиозного настроения, Бешт предписывает следующее: «Пусть человек постоянно пребывает в радостном расположении духа, пусть думает и верует, что Бог находится всегда с ним и охраняет его, что он смотрит на своего Творца, а Творец на него, что от воли Бога зависит во всякую минуту разрушить мир или воссоздать его, что в Боге источник всех благ и всех страданий, что во всяком предмете есть частица божественной жизненной силы, а следовательно надобно только на Бога уповать и только Бога бояться»³.

При таком оптимистическом взгляде на вещи, Бешт, конечно, не мог сочувствовать тому самоистязанию и умерщвлению плоти, которое строго предписывалось практической каббалой. И в этом отношении он был вполне новатором. В своих изречениях он то и дело протестует против идеи умерщвления плоти, против ложной мысли, будто Богу угодны посты, плач и печаль в человеке. Вот что он говорит: «Одно великое правило надобно всегда иметь в виду в деле служения Богу, а именно — избегать, сколько возможно, печали. Плач (в молитве) — дело нехорошее, ибо человек должен служить Господу в радости, и только те слезы хороши, которые являются от избытка восторга»⁴. «В общем лучше служить Богу без постов, ибо последние причиняют печаль, но если человек имеет охоту к постам и видит в них некоторое искупление грехов, то не следует его удерживать от этого»⁵. «Когда слабеет тело, слабеет и дух, вследствие чего человек не в состоянии молиться, как должно, т. е. восторженно, изо всех сил. Вот почему всякому нужно очень беречь здоровье своего тела»⁶. Противопоставляя свою систему учению аскетизма (учению, коему он сам следовал в юности, но которое впоследствии отвергнул), Бешт говорит: «Если перед вами два врача, из которых один лечит болезнь посредством горькой микстуры, а другой с одинаковым успехом лечит сладкими микстурами, — кого из них вы предпочтете? Конечно, последнего. То же и в деле религии. Тот, кто предписывает людям пост и истязание плоти, порождает в них печаль и заставляет их мрачно смотреть на мир и на своих ближних, которые не могут же все быть отшельниками и жертвовать земною жизнью ради небесной. Тот же, кто предлагает людям служить Богу радостно, без самомучения, вселяет в них отрадный взгляд на жизнь и людей, склоняет их прощать ближнему даже нехорошие поступки, и таким образом возбуждает добрые чувства в людях, убеждая их, что Бог — во всем, даже в мелочах»⁷.

¹ Ibid, стр. 18-19.

² «Венец», ч. I, стр. 14, b.

³ «Завещание», стр. 20.

⁴ Ibid, стр. 6.

⁵ Ibid, стр. 7.

⁶ Ibid, стр. 14.

⁷ «Венец», ч. II, стр. 6, a.

Это свое воззрение Бешт всегда отстаивал с необыкновенною энергией, что ему приходилось делать очень часто, так как принцип умерщвления плоти, проповедуемый практической каббалой, господствовал тогда над всеми умами, особенно среди ученых раввинов. До нас дошло одно подлинное письмо Бешта к ученику своему, упомянутому выше немировскому раввину Яков-Иосифу Когену, — письмо, в котором Бешт настаивает, чтобы его ученик отказался от прежней своей привычки часто поститься, ибо «сие есть причина меланхолии и скорби, а дух Божий никогда не осеняет людей, находящихся в печали». Далее Бешт пишет: «Вам ведь известно то, чему я вас обучал не раз; храните же эти слова в сердце вашем, и да будут она предметом ваших постоянных размышлений». И тут он дает своему ученику совет — -сосредоточить свои мысли на Боге во время учета и молитвы, жить в постоянном духовном общении с Богом, но излишних постов отнюдь не налагать на себя¹.

С. Дубнов.

(Продолжение следует).

¹ Напечатано в «Восхвалениях Бешта», 8, d., и приведено во многих других книгах. Даты в письме не имеется, но на обороте значится, что оно послано из Меджибожа в Немиров.